

Аркадий Стругацкий Четвёртое Царство (На грани возможного)

Глава первая. СВИНЦОВЫЙ ЦИЛИНДР

Самолет лег на крыло и пошел вниз. Облака расступились, и стал виден остров — громадное пестрое ржаво-серое пятно на синей поверхности океана, окаймленное белым кружевом прибоя.

— Кажется, приехали наконец, — с облегчением сказал майор Соколов.

— Слава богу, все кишки вымотала болтанка проклятая.

Капитан Олешко, согнув в дугу длинное неуклюжее туловище, приник лбом к холодному стеклу окна. Под самолетом быстро проносились крутые скалы и сопки, покрытые кое-где пятнами потемневшего от пыли снега, мрачные ущелья, безжизненные каменистые долины, тускло-зеленые участки зарослей курильской березы. Промелькнули разбросанные крыши поселка, несколько лодок у берега, потянулись и исчезли пунктирные линии старых японских траншей. Рев моторов вдруг стих. Олешко сморщился и затряс головой: заложило уши. Соколов засмеялся, показав знаками, что тоже ничего не слышит. В этот момент самолет мягко ударился колесами, подпрыгнул, снова ударился и, покачиваясь и слегка подсакаивая, покатился по земле. Из пилотской кабины вышел полковник Крюков, сказал что-то. Олешко с трудом проглотил слюну, и сразу словно пробки вынули из ушей.

— Я спрашиваю, как самочувствие, — крикнул Крюков.

— Отлично, товарищ полковник, — ответил Олешко. — Оглох вот немного, но уже прошло.

Самолет развернулся, остановился, в последний раз неистово взревел моторами и смолк.

— Пошли, — сказал Крюков.

Один из летчиков побежал вперед раскрыть дверь и выкинуть лестницу. Офицеры взяли плащи и чемоданы и, разминая затекшие от трехчасового сидения ноги, двинулись к выходу. Внизу их встретил молодой сухощавый капитан-пограничник. Пока он рапортовал Крюкову о благополучии на вверенной ему, капитану, заставе, Олешко с любопытством огляделся. Они приземлились на старой взлетно-посадочной полосе, проложенной когда-то японцами между двумя невысокими холмиками. Бетон полосы потрескался и местами выкрошился, из трещин выбивались веселые травинки. На одном из холмов располагался домик со сложным антенным устройством на крыше. В стороне стоял облезлый, непривычно маленький самолет, по-видимому, японский.

— Познакомьтесь, товарищи, и поехали, — сказал полковник.

— Капитан Нелюдин, — отрекомендовался начальник заставы.

Соколов и Олешко назвали себя и пожали ему руку. Окутываясь тучами сизого дыма, подкатил потрепанный газик. Шофер, красивый плечистый сержант, выскочил и взялся было за чемоданы, но Нелюдин остановил его.

— Все всё равно не поместимся, — сказал он. — Оставайтесь с вещами, я пришлю за вами машину с Баевым.

— Далеко до заставы? — осведомился Соколов, залезая на заднее сидение.

— Минут двадцать езды. Дорога очень скверная, а то бы за десять минут доехали.

Нелюдин не преувеличивал, дорога действительно была на редкость плохая. Газик, отчаянно дребезжа и фыркая, переползал с ухаба на ухаб. Когда аэродром скрылся за сопками и вокруг открылось изрытое поле, Крюков спросил:

— Как ваш задержанный?

— Умер, — виноватым голосом ответил капитан, напряженно вертя баранку.

Полковник даже подскочил от неожиданности. Олешко и Соколов переглянулись.

— Как умер? Когда?

— Сегодня утром, часа четыре назад.

— Так. — Полковник помолчал, раскачиваясь в такт тряске. — Зря, выходит, я сюда следователя с переводчиком ташил...

— Товарищ полковник, видели бы вы, в каком он был состоянии, когда мы его...

— У вас есть фельдшер, на худой конец врача из поселка могли пригласить.

— Врач и фельдшер всю ночь над ним колдовали. Так и не поняли, что с ним. Ранен в левую ногу, похоже — из пистолета, но ведь от этого не умирают.

— Выяснили, откуда он взялся?

— Выяснил. Выполз из тоннеля в сопке, где его нашли. Совсем рядом с заставой.

— Из какого тоннеля?

— Вроде шахты в скале, японцы вырыли. Здесь все такими шахтами изрыто. Целый подземный город. Ходы, переходы, колодцы... Лабиринт, одним словом.

Дорога пошла косогором, и машина сильно накренилась. Все невольно склонились в противоположную сторону, хватаясь друг за друга. Только Нелюдин продолжал править как ни в чем не бывало, видимо, простодушно радуясь, что начальство не очень сердито на него за смерть задержанного.

— Вот мы едем, а под нами, может быть, залы, склады, помещения разные, — говорил он.

— Может быть? Разве вы сами там не бывали? — спросил Соколов.

Нелюдин рассмеялся.

— Думаете, туда так просто попасть? Во-первых, мы, собственно, так и не знаем входы в это подземное царство. Замаскированы они замечательно. Вот, например, тот, у которого задержанного взяли. Сто раз мы там проходили и не заметили ничего. Только по следам и отыскивали. Со стороны поглядеть — просто расщелина в скале... Во-вторых, многие входы японцы перед капитуляцией взорвали, обрушили. Чтобы пробраться в них, нужно их расчистить, раскопать завалы, да того и гляди в какую-нибудь ловушку попадешь...

— Что за ловушки? — с любопытством спросил Олешко.

Машина спустилась с сопки и покатила по более или менее сносному проселку. Впереди открылся вид на океан, показалась тесная кучка небольших строений.

— Есть у меня командир отделения сержант Новиков, бывший шахтер,

— сказал Нелюдин. — Я поручил ему обследовать все известные тоннели и искать новые. Любопытно, да и для дела, безусловно, полезно. Он излазил все, что только можно, иногда по два дня проводил под землей. Раз в прошлом году, в мае, полез он со своим другом и напарником Костенкой в пещеру, что под Танковой сопкой. Это утес такой на западном берегу. Зашли они далеко, осматриваются. Новиков что-то замешкался. Костенко вперед пошел, светит фонариком, смотрит — дальше вода. Он думал, что лужа, ну и шагнул. И сразу с головой, только пузыри пошли. Там оказался не то колодец, не то штольня. Насилу Новиков его вытащил.

— А сам ты туда ходил? — спросил Крюков.

— В Танковую — нет. А вообще — ходил, конечно. Во многих тоннелях побывал. Жутко там, мрак, тишина, только вода с потолка капает. Идешь, идешь, словно в преисподнюю. Надо сказать, почти все шахты, входы в которые известны, оканчиваются тупиком. Либо завалом, либо колодцем с водой. Дальше не пройдешь.

— Думаешь, и этот новый тоннель тоже такой? — словно случайно обронил Крюков.

Нелюдин скосил на него глаза.

— Нет, этого я не думаю, — проговорил он. — Да вы не беспокойтесь, товарищ полковник, я возле него пост выставил.

— И не думаю беспокоиться. — Крюков зевнул, явно притворно, затем спросил: — А почему ты считаешь, что там целый город, склады и прочее?

— А как же? Вот, например, там, — Нелюдин ткнул пальцем в сторону гряды мрачных серо-желтых скал километрах в пяти от дороги, — торчит из-под земли обрывок толстого многожильного кабеля. Что за кабель? Куда он ведет? Где начинается? Да что далеко ходить... Два года назад было сильное землетрясение. Помните, наверное? Волна метров в пятнадцать высотой ударила в восточный берег, залила все низины. На другой день смотрим — валяются на берегу тюки с японским обмундированием. Откуда их вынесло? Ясно, под землей что-то есть.

Газик подкатил к группе одноэтажных домиков, окруженных оградой, и остановился у самого большого из них. Часовой у крыльца поприветствовал по-ефрейторски. Подбежал, придерживая кобуру, дежурный с рапортом.

— Веди к себе, — сказал полковник, вылезая из машины.

— Слушаюсь, товарищ полковник, — отозвался Нелюдин и торопливо приказал дежурному. — Найдите Баева, пусть съездит на аэродром за сержантом. Он там с вещами остался. Да напомни повару насчет обеда.

Кабинет начальника заставы оказался крохотной комнаткой с подслеповатым оконцем. Посередине стоял канцелярский стол, в углу этажерка с книгами и газетами, слева от стола на полу-железный ящик. Полковник уселся за стол, Соколов и Олешко — на принесенных дневальным табуретах, хозяин кабинета за недостатком места примостился на подоконнике.

— Карту, — приказал полковник.

Нелюдин нагнулся над железным ящиком, порывлся в нем и развернул на столе стотысячную карту Кунашу.

— Покрупнее масштабом нет?

— Никак нет, товарищ полковник. — Нелюдин сокрушенно вздохнул. — Сколько раз комендатуру запрашивал — не присылают.

Крюков пробормотал что-то нелестное по адресу бюрократов на погранслужбе и вынул портсигар:

— Курите.

— Благодарю, товарищ полковник, бросил. Леденцы теперь сосу.

— Твое дело. Показывай, где входы в тоннели.

— Вот, товарищ полковник, красными кружочками отмечены. А вот этот — новый.

— Так это совсем рядом?

— Так точно. Километрах в трех отсюда. За речкой.

— Пост там поставил, говоришь?

— Поставил. Два человека.

— Значит, понимаешь?

Нелюдин спокойно ответил, слегка отстраняясь от клубов табачного дыма:

— Дело загадочное, товарищ полковник. Рисковать нам никак нельзя.

Крюков кивнул.

— Дело загадочное, что и говорить. Давайте разгадывать. Что нам известно? Вчера в полдень из-под земли, в двух шагах от заставы, выполз неизвестный. Он не пытался скрываться. Наоборот, он выл во весь голос, словно от страшной боли, и что-то выкрикивал на иностранном языке. У него была прострелена нога, он был слеп. Несмотря на все усилия местных светил медицины, он умер сегодня утром, поставив нас, пограничников, в весьма глупое положение. Так?

Все дипломатично промолчали.

— Ну-ка, покажи, что нашли у этого... покойника.

Нелюдин снова наклонился над ящиком.

— Так, ясно. Г-образный фонарь, «мэйд ин Ю Эс Эй», батарейка уже при последнем издыхании. Капитан, на сколько рассчитана такая батарейка?

— Часов на пятьдесят, по-моему.

— И по-моему тоже. Значит...

— Нарушитель пробыл под землей не менее двух суток.

— Правильно. Финский нож, ну, это обыкновенно. Пистолета у него не было?

— Никак нет.

— А это что такое?

Офицеры с удивлением и любопытством рассматривали тяжелый металлический цилиндр величиной с граненый стакан. Цилиндр был совершенно гладкий, только вокруг дна виднелась едва заметная шероховатая полоска, словно дно было запаяно.

— Судя по всему... — Крюков взвесил цилиндр на ладони, поскреб его финским ножом, постучал по нему пальцем. — Судя по всему — свинец. Но что бы это могло быть? Мина?

— Если мина, то замедленного действия, — сказал Соколов. — Хотя, возможно, детонатор привязывают к ней снаружи.

— Но кто слышал о минах в свинцовой оболочке? Странная штука. Больше на задержанном ничего не было?

— Никак нет. Я сам осмотрел всю одежду, прощупал каждый шов, распотрошил его ботинки — ничего. Да, еще пачка сигарет. Вот она.

— «Честерфилд», знаменитые... Потом отправим на экспертизу. Ну, ладно. Ни продуктов, ни огнестрельного оружия... Кстати, Нелюдин, это тебе принадлежала мысль, что нарушитель кричал по-английски?

— Так точно, — покраснев, сказал Нелюдин. — Я судил по произношению.

— Он кричал, по-видимому, от боли в раненой ноге? — спросил Соколов.

— Возможно, товарищ майор. К тому же, как говорил врач, он весь в ожогах.

— Тогда все понятно, — воскликнул Соколов. — Он имел неосторожность чиркнуть спичку в таком месте, где скопился какой-либо горючий газ, вроде рудничного. Взрывом этого газа он был обожжен и ослеплен.

Олешко с сомнением покачал головой.

— Я не специалист, конечно, — проговорил он. — Но... ведь Кунашу

— остров вулканический, не так ли?

— Да, — подтвердил Нелюдин. — Здесь даже горячее озеро в горах есть.

— Не знаю, но... недра вулканических районов не должны содержать горючих газов. Возможно, нарушитель обварился в горячем источнике... или попал под струю раскаленных вулканических паров...

— Которые заодно вlepили ему пулю в ляжку, — нетерпеливо перебил полковник. — Давайте ближе к делу. Понятно, под землей с ним произошла какая-то неприятность. Но для нас гораздо важнее факт, что он там был не один. С каким заданием эти бандиты высадились на Кунашу? Сколько их? Какое отношение к их заданию имеет эта свинцовая коробка? Можно было бы вскрыть ее, вероятно, ее содержимое объяснило бы нам многое. Но лучше оставим это экспертам, а сами будем действовать нашими средствами.

— Надо бы исследовать новый тоннель, — сказал Нелюдин.

— Усилить наблюдение за побережьем и вызвать сторожевой корабль, — предложил Соколов. — За нарушителями должны прийти.

— Предупредить рыбаков в поселке, — добавил Олешко.

Полковник рассеянно-доброжелательно кивал головой. Затем вдруг сказал Нелюдину:

— Как у тебя с обедом? Готов?

— Давно готов, товарищ полковник. Разрешите распорядиться?

— Ступай, распоряджайся.

Начальник заставы вышел. Было слышно, как он позвал кого-то и забубнил вполголоса. Крюков с минуту прислушивался, усмехаясь.

— Хороший офицер, этот Нелюдин, правда, товарищи? — сказал вдруг он.

— Ничего, — сдержанно отозвался Соколов, слегка пожимая плечами.

— Мне он понравился, — пробормотал с оттенком недоумения в голосе Олешко.

— Ну-ну, штабные крысы, не обижайтесь. — Полковник рассмеялся, провел рукой по лицу и снова стал серьезен. — Сторожевик выслан еще вчера, завтра будет здесь. Рыбаков

Нелюдин поднял на прочес окрестностей поселка сразу, как только взяли нарушителя. Они теперь на круглые сутки у своих лайб сторожей ставят. И еще кое-что сделано. Нам остались пустышки: спуститься под землю и посмотреть, зачем туда полезли наши незваные гости. Теперь слушайте меня внимательно, товарищи офицеры. Есть данные, что японцы незадолго до войны с нами вели на Кунашу большие строительные работы. Сюда свозили тысячи китайцев, корейцев, англо-американских пленных, загоняли их под землю и, по-видимому, использовали их там до конца. Во всяком случае, ни один из них в живых не остался. Так что можно себе представить, какое огромное хозяйство лежит у нас под ногами. Предполагается, что строилась грандиозная база для новых подводных лодок с большим радиусом действия. Нам неизвестно, успели ли японцы создать эти лодки, но они возлагали на них последние надежды, и, весьма вероятно, господам американцам очень не понравилось бы, не прикрой мы вовремя эту лавочку. В общем, Нелюдин совершенно прав, толкуя о подземных складах, казармах и о прочих помещениях под землей. Не исключено, что задание наших гостей как-то связано с этой подземной крепостью. Словом, дело предстоит очень сложное, и прошу отнестись к нему со всей ответственностью, как подобает советским офицерам-пограничникам. Не скрою, я предпочел бы сейчас иметь вместо вас двух офицеров, хорошо знакомых с оперативной работой, но... мы вынуждены торопиться. Ждать нам некогда. К исследованию нового тоннеля приступим сегодня же вечером. У меня все. Вопросы есть?

— Давно бы уже следовало заняться этим японским муравейником, — пробормотал Соколов. Полковник насмешливо прищурился.

— Можно подумать, что после войны нашему народу только и было дела, что копаться в брошенных противником крепостях. Разве крепость на Кунашу — единственная? Знаете, сколько это дело, если братья за него основательно, потребовало бы людей и средств?

Соколов пожал плечами:

— Много, разумеется.

— То-то, что много. Ну, все? А теперь — обедать и отдыхать.

После обеда, состоявшего из лососевой ухи и тушенки с рисом, полковник отправился с Нелюдиным в радиорубку для переговоров с отрядом, а Соколов и Олешко решили прогуляться перед сном. Молча спустились они к берегу и остановились на скользких, заросших тиной валунах у самой воды.

— Отлив, — сказал Олешко. — Тишина здесь какая, прислушайся. Только птицы кричат. А солнце сияет — глазам больно. И какое чистое небо!

— Это тебе повезло, — отозвался Соколов. — В позапрошлом году мы в это примерно время приезжали сюда для инспекторской проверки, так целый месяц солнца не видали. Туманы ужасные. В двух шагах ничего не видно. Проверку за неделю закончили, а потом полмесяца загорали, ждали летной погоды.

— Будем надеяться, что на этот раз бог нас не... Ох ты, черт, смотри-ка!

Слева, над уступом почти отвесной скалы, возвышался серый бетонный колпак японского дота. Прямоугольные черные провалы двух амбразур были обращены в сторону офицеров и, казалось, разглядывали их с мрачным упорством. Олешко поежился.

— Я даже испугался, знаешь ли. Оглянулся случайно, смотрю — уставился. Неприятное ощущение.

— Эх, ты, — рассмеялся Соколов, хлопая товарища по плечу. — Нервная барышня. А вообще правильно, неприятно. Похоже на огромный череп какой-то.

— Давай проберемся к нему, посмотрим, — предложил Олешко. — Никогда еще вблизи таких дотов не видел.

Майор хотел было удержать его, но, увидев, что тот карабкается вверх по скале, махнул рукой и последовал за ним. Через несколько минут оба, отдуваясь и отирая пот, остановились у одной из амбразур. Олешко согнулся и влез в нее до пояса.

— Темно и пусто, — послышался его голос, глухой, как из бочки. — А стены толстые, метр-полтора, наверно. Ага... — Он скорчился еще больше, дернулся, и его длинные ноги

повисли в воздухе. — Теперь понимаю, как сюда приходили. В задней стене был вход, только теперь он завален.

— Скоро ты там? — сердито спросил майор. Олешко продолжал бормотать что-то, поворачиваясь с боку на бок. Тогда Соколов потерял терпение и выволок его за ноги наружу. — Налюбовался?

— Очень интересно. — Олешко поправил фуражку. — Какая махина, а защищать не сумели.

— Пошли, пора уже.

Когда они вернулись, полковник Крюков беседовал с двумя пограничниками — сержантом Новиковым и ефрейтором Костенко. По-видимому, Новиков только что рассказал о своих экспедициях в тоннели, и теперь Крюков расспрашивал его о способах ориентировки и о неожиданностях, которые могут встретиться в подземном лабиринте.

— Мелом знаки на стенах ставлю, товарищ полковник, — говорил сержант. — Камни кучкой или в линию укладываю. Как натолкнусь на поворот или разветвление, сразу знак рисую, стрелку, направленную к выходу. Перед вертикальной штольной, конечно, камней поперек тоннеля наложу, чтобы не свалиться туда ненароком в следующий раз.

— Спускаться в эти штольни ты не пробовал?

— Никак нет, товарищ полковник, не пробовал. Какие водой не залиты, у тех скобы для спуска поржавели, опасно на них полагаться. На веревке еще можно было бы, так это нужно туда идти впятером или вшестером. Да и веревки много надо. Штольни ведь очень глубокие. Камень туда бросишь — не слышно, как падает.

— Осталось в тоннелях что-нибудь от прежних хозяев? — спросил Соколов.

— От японцев? Осталось. Провода кое-где вдоль стен идут. В одной галерее узкоколейка проложена. Есть там и пошире помещения, как бы комнаты или залы, в них сохранились обломки столов, стульев. Правда, все это погнило от сырости.

— Радиоприемник нашли, — густым басом сказал Костенко и покраснел.

— Весь, однако, покорежен. Японцы его перед побегом разбили, так я думаю.

— Как, по-вашему, что следует с собой взять для спуска под землю?

— Смотри на какое время, товарищ полковник.

— Скажем, на двое суток.

— Первым делом, конечно, запасных батареек, спички, свечи на всякий случай. Консервы и сухари, веревки побольше, если спускаться придется.

— Воды, однако, взять не мешает, — пробасил Костенко.

— Вы же говорили, что вода там со сводов капает. Даже, кажется, тонули.

— Он правильно говорит, товарищ полковник. Вода где капает, где нет, а в колодцах она не питьевая. Морская вода.

Крюков переглянулся с офицерами.

— Вероятно, некоторые тоннели соединены с океаном, — заметил Олешко. — Это, кстати, позволит определять, хотя бы приблизительно, высоту над уровнем моря. Удобно для ориентировки.

— Так. Еще что?

— Шинели нужно взять, или ватники.

— Холодно там?

— Не то что холодно, а познабливает как-то.

— Ясно. Нелюдин!

— Слушаю, товарищ полковник.

— Заготовь по этому списку все на двенадцать человек. Выдели мне девять бойцов с карабинами, в том числе и этих двух, пусть сейчас же ложатся отдыхать. В восемь часов всех нас разбудить.

— Ясно, товарищ полковник. А я... а мне можно будет с вами?

— А кто на заставе останется, товарищ начальник? Учти, бездельничать тебе не придется. За тобой патрули по побережью. Чтобы и муха не проскочила. Людей у тебя

маловато остается, и хлопот будет полон рот. Ну, всем спать. Покажи нам наши койки.

Олешко сидел на жестковатом соломенном матрасе, покрывающем скрипучий деревянный топчан, и стягивал сапоги, когда в кабинете начальника заставы за фанерной перегородкой задребезжал телефон.

— Нелюдин слушает. Так, докладывайте... Что? Четыре? Немедленно доставить, да. Впрочем, нет. Я сейчас сам буду. Ждите меня там, ничего не трогайте.

Нелюдин вошел в спальню спокойный, сосредоточенный и немного бледный. Он отдал честь и доложил:

— Товарищ полковник, третий патруль с восточного берега доносит, что им обнаружены спрятанные под камнями четыре водолазных маски с кислородными баллонами. Разрешите отбыть туда для осмотра?

Полковник крякнул, сел на топчане и достал из-под подушки портсигар.

— Хотел бы я знать, — медленно проговорил он, — что собой представляет этот свинцовый цилиндр.

Глава вторая. КРАСНЫЙ ГАЗ

Даже ребенком Чарльз Хилл не боялся темноты, он не мог даже представить себе, как можно бояться просто из-за того, что нет света. Более того, по роду своей деятельности он всегда предпочитал свету тьму. Диверсант, разведчик-профессионал — ночное животное. Свет слишком часто был врагом Чарльза Хилла, а тьма всегда была его верным союзником. Но здесь, в катакомбах Кунашу, он понял, что, в сущности, никогда не знал, что такое настоящая тьма. Плотная, непроглядная, она давила на мозг, искажала нормальные представления о действительности, вызывала в сознании странные фантастические образы. Время от времени это становилось нестерпимым, и, чтобы не видеть тьмы, приходилось изо всех сил жмурить глаза — тогда вспыхивали и расплывались белесые световые пятна, и этот воображаемый свет доставлял минутное облегчение. Тьма была спрессована миллионами тонн гранита, нависшими над головой, она сжималась и грозила расплющить в лепешку, но стоило пошевелиться, выпрямить затекшее тело, и она мгновенно превращалась в абсолютный вакуум, оставляя измученного человека в непостижимом пустом пространстве.

Хилл чувствовал, что испытал бы громадное наслаждение от созерцания светящегося циферблата часов или компаса. Но и единственные в группе часы, и единственный компас унес с собой японец. Сколько времени прошло с тех пор, как он остался один? Десять часов? Двадцать? Двое суток? И сколько времени ему еще придется так сидеть, считая удары редких капель, падавших где-то неподалеку? Он не испытывал ни голода, ни жажды, ни сонливости, но чувствовал, что в такой обстановке это ничего не значит. Ему казалось, что наверху, на поверхности, могли пройти месяцы и годы, а здесь время словно остановилось, и у человеческого организма не осталось никаких потребностей, кроме неистовой жажды света. А что, если время и вправду остановилось? Что, если японец заблудился? Если его поймали? Чарльз Хилл вытер со лба обильно выступивший холодный пот. Нет, об этом и думать не стоит. Хорошо бы зажечь фонарик хоть на минуту. Но, во-первых, последняя батарейка и так уже на исходе, во-вторых, японец категорически запретил зажигать свет. Он даже отобрал у Хилла спички. Хилл мысленно поблагодарил бога за то, что не курит. Все-таки этот Сунагава — порядочная скотина. Как только они выползли на проклятый берег проклятого острова, он безо всяких разговоров взял командование в группе в свои руки. Хиллу пришлось покорно проглотить эту пилюлю: от японца зависел весь успех операции. По сути дела Хилл так и не понял толком, какое задание поручено его группе. Истинную цель знал только Сунагава. Шеф объяснил, что нужно отыскать месторождение какой-то особой плесени, которая водится исключительно на этом Кунашу, и доставить образец в Штаты. Экспедиция за плесенью? Пожалуйста! Хоть за окурками. Хиллу не было до этого никакого дела. Ему хорошо платили, и больше он ничего не хотел знать. Чем меньше знать, тем лучше. Зачем ему заботиться о том, о чем должен заботиться японец? А японец этот —

бестия, себе на уме, с ним нужно держать ухо востро. Чтобы отвлечься, Хилл стал вспоминать, как он впервые встретился с Сунагава.

Это было всего две недели назад в Сан-Франциско. Утром его разбудил телефонный звонок. После вчерашней попойки, от которой горело во рту, тошнило под ложечкой и трещала голова, просыпаться страшно не хотелось. Но телефон продолжал настойчиво звонить. Чертыхаясь, Хилл спустил ноги с постели, с отвращением взглянул на рыжую голову любовницы, зарывшуюся в подушки, и поднял трубку. Голос шефа сразу привел его в себя. Шеф приказал ему пойти к двенадцати часам.

— В офис, сэр?

— Нет, ко мне в сортир. Не будь идиотом, Чарли. Без опоздания, ровно к двенадцати. Пропуск на тебя заказан.

— Слушаю, сэр.

Вешая трубку, Хилл уже знал, что веселому беззаботному житью пришел конец. И пора бы уже. Деньги, полученные за работу у корейцев, кончались. Хиллу даже стало весело. Он бросил в рот облатку филопона, чтобы встряхнуться, и отправился в ванную.

Когда он вошел в кабинет шефа, там уже сидел маленький японец в роговых очках. Хилл подумал было, что секретарь пропустил его по ошибке, потому что не в обычаях шефа было принимать сразу двух посетителей. Но японец встал, поклонился и оскалил большие редкие зубы, а шеф дружелюбно сказал:

— Входите, входите, Хилл. Знакомьтесь, мистер Сунагава, мистер Хилл. Прошу садиться.

Как всегда, он перешел прямо к делу. Предположения Хилла оправдались: предстояла важная и не совсем обычная операция. На этот раз речь шла не о широкой диверсии в странах Дальнего Востока, не об убийстве видных политических деятелей и не о натравливании полудиких кочевников на мирных крестьян.

— Вы высадитесь на Кунашу, есть такой островок у русских на Тихом океане, там мистер Сунагава проведет вас в подземную крепость, выстроенную его соотечественниками перед капитуляцией. Мистер Сунагава прекрасно знает это место, в свое время он прослужил там несколько лет. Не правда ли, мистер Сунагава?

Японец поклонился и снова оскалил зубы.

— Там вы найдете... — Шеф замялся и вопросительно взглянул на японца. — Одним словом, ваша роль — обеспечить действия мистера Сунагава. Он сам сделает все, что требуется, вы же будете его охранять и, если потребуется, помогать ему. Успех операции будет оцениваться по тому, как выполнит свое задание мистер Сунагава. Понятно?

Хилл поморщился.

— Я предпочел бы не иметь дела с русскими, — пробормотал он. — Особенно с пограничниками.

— Разумеется, — насмешливо сказал шеф. — Гораздо проще в полной безопасности таскаться по Южной Корее и натравливать пьяных громил на учителей и рабочих. Вы безбожно разленились, Чарли, и мне это не нравится. Не рекомендую в дальнейшем ставить меня в известность о том, что вы предпочитаете, и чего вам не хотелось бы.

— О'кэй, сэр, — поспешно согласился Хилл. — Я же не уваливаю. Вы меня неправильно поняли. Я хотел только сказать...

— Относительно гонорара? Можете не беспокоиться. Вы знаете, сколько платят работникам, занятым в России.

Хилл облизнулся и ослабил язык. Оскалил зубы и японец.

— Теперь вот что, — продолжал шеф. — С вами по просьбе мистера Сунагава пойдут еще два человека. Подберите себе сами из нынешнего выпуска.

— Я бы взял Берга и Штрассена, если позволите, сэр.

— Идет. Нет, погодите. Штрассен мне нужен. И вообще... — Тут шеф помедлил и бросил на Хилла один из тех взглядов, какие без слов понимают опытные, давно с ним связанные разведчики. — Было бы удобнее, если бы вы не старались выбирать из самых

лучших.

— По... понятно, сэр. — В глотке у Хилла внезапно запершило, и он до слез закашлялся. Шеф улыбнулся одними губами.

— Вам следует беречь здоровье, Чарли.

— Ничего, сэр. Благодарю вас. Я хотел только заметить, что, может быть, проще было бы провести эту операцию нам вдвоем с мистером... э-э...

— Сунагава, — подсказал японец.

— Да, вдвоем с мистером Сунагава. Два человека — это не четыре, легче высадиться, легче прятаться... Ведь чем меньше группа, тем...

— Как хорошо вы знаете арифметику, Чарли, — снова усмехнулся шеф.

— Не забыли даже, что два — это не четыре.

— С вашего разрешения, мистер Хилл, — вкрадчиво сказал на превосходном английском языке Сунагава. — Дело в том, что если мы пойдем вдвоем, то одному из нас — и это будете вы — придется остаться там навсегда.

— Понятно, — упавшим голосом сказал Хилл.

— Вот и отлично. Теперь о снаряжении, Чарли. С собой возьмете карманные фонари с двумя комплектами батареек, финские ножи, один пистолет...

— Всего один пистолет, сэр? — Хилл в изумлении воззрился на шефа.

— Два, — сказал Сунагава. — Прошу прощения, сэр.

— Ладно, два пистолета, по две обоймы к ним, часы, компас и на несколько дней продовольствия. И самое главное — вот это.

И шеф положил руку на предметы, лежавшие перед ним на столе, на которые Хилл раньше не обратил внимания. Две небольшие банки из серого металла с плотно завинченными крышками.

— Это не мины, Чарли, не гранаты и вообще не оружие. Но открывать их и ковыряться внутри нельзя. Их откроют в нужном месте в нужный момент, снова закроют, и вы привезете их ко мне, в этот кабинет и поставите на этот самый стол вот сюда.

— С вашего разрешения, сэр, — после минутной паузы сказал Сунагава. — Я бы все же хотел, чтобы мистер Хилл знал, хотя бы в самых общих чертах, о целях нашей операции.

Шеф пожал плечами.

— Возможно, вы и правы. Считайте себя участником научной экспедиции, Чарльз Хилл. В подземельях острова Кунашу водится единственная в своем роде плесень, и вы должны доставить мне несколько кусочков, лоскутков, ломтиков или как их там. Причем, заметьте, Чарли, доставить ее можно только в этих банках. В этом смысле просьба мистера Сунагава поставить вас в известность о конкретных целях предприятия представляется мне вполне законной. Вы должны усвоить, что без этих банок предприятие теряет всякий смысл. Поэтому берегите их, как зеницу ока. Можете терять ноги, руки, голову, но банки должны быть сохранены.

Шеф достал из стола бутылку и три стакана. Разговор был окончен.

Вскоре после этого... Перелет через океан в компании с неразговорчивым японцем и двумя обреченными партнерами — весьма посредственными типами с точки зрения разведчика. Несколько дней в Токио, переговоры с начальником агентурного отдела штаба оккупационных войск. Снова перелет, на этот раз короткий, в Хакодате. Выход в море на катере. Пересадка на подводную лодку. Несколько суток в подводной лодке — вонь масла и разогретого металла, монотонный гул моторов. Затем обмен традиционным рукопожатием с капитаном и небольшой, но тяжелый переход по морскому дну. Наконец — мертвая давящая тьма подземелья.

Сколько прошло времени? Сутки? Неделя? Профессия приучила Хилла к терпению, но, по-видимому, и терпению матерого разведчика может прийти конец. Он решительно поднялся и потянулся до хруста в костях. Сейчас он зажжет фонарь, будь оно все проклято. В конце концов, ему нужно подкрепиться, съесть хотя бы кусочек пеммикана, а рыться в мешке без света он не может. И в этот момент Сунагава вернулся. Он появился совсем не с

той стороны, в которую ушел. Сначала во тьме промелькнули светлые блики, и Хилл подумал было, что это галлюцинация. Но тьма стала редеть, понемногу стали видны очертания предметов и, наконец, послышались торопливые шаги. Хилл на всякий случай лег ничком и вынул пистолет. Внезапно в глаза ему брызнула молния. Он невольно вскрикнул от острой боли и закрылся рукой.

— Отвернитесь в сторону, привыкайте к свету постепенно, мистер Хилл, — услышал он странно напряженный голос японца. — Простите, нечаянно осветил ваше лицо.

Японец тяжело дышал, фонарь дрожал в его руке, беспорядочно бросая яркий круг на влажные стены тоннеля.

— Вы... один? — осведомился Чарли, все еще прикрывая глаза ладонью.

— Один, — не сразу отозвался Сунагава и быстро заговорил: — Произошла катастрофа. Нужно действовать скорее. Где мешок? Глоток вина и... Их накрыло. Я сам едва спасся. Где у вас уложено вино? А, вот...

Ошеломленный Хилл услышал, как он жадно глотает.

— Да что же произошло, черт побери? — тревожно спросил он, открывая, наконец, глаза. — Кто их накрыл? Русские? За вами гнались русские?

Он осекся. Лицо японца было страшно. Щеки, покрытые щетиной, ввалились, мокрый рот был раскрыт, глаза блуждали.

— Они оба погибли, их накрыло, — с трудом выговорил Сунагава, сжимая бутылку костлявыми пальцами.

— Чем накрыло?

— Ака-гасу, конечно. — Японец перевел дух и вытер рот рукавом. — Красным газом. Сначала все шло хорошо. Правда, часть старых тоннелей обрушилась, и нам пришлось сделать изрядный крюк, но все же мы вышли к шахте, которая привела нас к гнезду красного газа.

Хилл подумал, что японец сошел с ума. Он поспешно отодвинулся.

— Какой красный газ? Что вы мелете, Сунагава-сан?

— Успокойтесь, мистер Хилл. — Японец, видимо, пришел в себя, и в голосе его зазвучали обычные приторно-любезные нотки. — Я имею в виду цель нашей операции. То, что шеф называл плесенью. Красный газ.

Хилл опустил на корточки.

— Ладно, пусть будет красный газ. Дальше!

— Я приказал обоим болванам открыть банки и спуститься в яму. Они испугались. Правда, зрелище не из приятных. Кроме того, они еще переживали то, что видели на пути. Но я не считал себя вправе терять время, один из фонарей уже потух, другой едва горел. Свой фонарь мне расходовать не хотелось. Я вынул пистолет. Тогда они под моим руководством открыли банки и полезли вниз. И в эту минуту пленка вдруг вспучилась и накрыла их с головой. Они завопили от ужаса, бедняги, и стали карабкаться назад. Больше всего я боялся, чтобы они не вырвали банки. Но тогда этого не случилось. Когда они вылезли, клочья светящейся слизи развевались вокруг них, как волшебные украшения. Я убедился, что банки полны, и приказал закрыть и запаять их. Пока они занимались этим, я стоял поодаль и думал, как поступить дальше. Я приказал тщательно обтереть банки сверху. И тут у них начались первые приступы. Оба затряслись, как в лихорадке. На мне лежал долг милосердия, я обязан был избавить их от страшных мучений. Я подошел ближе и выстрелил в голову тому, который выше ростом, помните? Но я промахнулся, и он бросился на меня. Я еще успел заметить, как его банка полетела в яму. Мы боролись на самом краю, а другой идиот бестолково прыгал вокруг, размахивая руками. Через плечо противника я увидел, что красный газ стал светиться ярче, и я знал, что последует через несколько минут. На поверхности пленки уже образовалась воронка, затем отросток. Отчаяние придало мне силы. Я оторвал противника от себя и сбросил его туда... вниз.

Сунагава замолк, опустив голову на руки.

— Дальше, дальше, — торопил Хилл, трясаясь от нетерпения. — Вы, конечно, овладели

второй банкой...

Он еще многого не понимал в рассказе японца, но воображение подсказывало ему то, на что не хватало здравого смысла.

— Мы бросились в разные стороны, я и тот, со второй банкой. Я еще успел несколько раз выстрелить ему вслед. И сейчас же волна красного газа разделила нас. Я выронил пистолет и побежал, слыша за спиной, как выл от боли и ужаса тот, второй. Но мне надо было спастись самому.

— Значит... значит, все пропало? Обе банки потеряны?

Японец не ответил. Хилл в бешенстве ударил кулаком по колену.

— Ведь шеф с нас шкуру спустит, вы понимаете или нет? Теперь нам лучше идти прямо в лапы к русским или сдохнуть здесь! Что вы наделали, желтая макака? Джап проклятый! Угробил двух ребят ни за грош! Да за это... — Он выхватил пистолет и взвел курок.

Тогда Сунагава встал и спокойно сказал:

— Не надо волноваться, мистер Хилл. Еще не все потеряно. Я просто немного устал, и это произвело на вас дурное впечатление. Кроме того, я совсем забыл, что вы не все знаете. Давайте решим, что нам делать. Отдыхать мне, конечно, не придется. Нам необходимо немедленно отправиться на поиски нашего сбежавшего друга. Далеко он уйти не мог, я знаю свой красный газ. Мы найдем труп где-нибудь в окрестностях гнезда, и все будет в порядке. Если же не найдем...

— Тогда я заставлю вас спуститься в яму и отыскать банку, которую вы уронили, — сквозь зубы произнес Хилл, опуская пистолет и ставя его на предохранитель. — И не вздумайте пытаться бежать от меня. Вы пойдете впереди с фонарем и мешком. Впрочем, нет, мешок я понесу сам. Мне нужно, чтобы ваша спина была открыта...

— С вашего разрешения, — невозмутимо продолжал японец, — если мы не найдем нашего друга, тогда вернемся к гнезду и бросим жребий, кому лезть за банкой. Как вы совершенно справедливо изволили заметить, нам нельзя вернуться к шефу с пустыми руками. Но зачем нам гибнуть обоим? Застрелив меня, вы не выберетесь отсюда. Без вас же я теряю последний шанс на успех предприятия. Почему бы нам не заключить любовную сделку? Кстати, давайте спешить. До прихода подводной лодки осталось всего... — Он взглянул на часы. — Всего около тридцати часов.

Они двинулись в путь так, как потребовал Хилл: впереди японец с фонарем, сзади, в пяти шагах от него — американец с мешком за плечами и пистолетом за поясом. Они шли через бесконечные коридоры, то узкие, как траншеи, то широкие, как улицы, поднимались и опускались по шатким лестницам, миновали несколько помещений, заставленных ржавыми механизмами, заваленных штабелями тюков и ящиков. Справа и слева попадались низкие дверцы, одна из них была раскрыта, и луч фонарика выхватил на мгновение из тьмы груды костей, облепленную истлевшими лохмотьями. Раз Сунагава остановился, подумал немного и повернул назад. Затем пришлось перелезть через обвалившиеся с потолка пласты камня. Кое-где вдоль тоннелей беззвучно струились ручейки, неподвижно темнела затхлая, с тяжелым запахом вода. Через час японец предложил передохнуть. Они присели у стены, выпили по глотку вина и поели сухарей с мясными консервами.

— Здесь мы примерно на двадцать метров ниже уровня океана, — сказал Сунагава. — Пройдет несколько десятков лет, все придет в запустение и разрушится. А сколько труда и жизней вложено в эту работу!

Хилл был подавлен и изумлен грандиозностью колоссального лабиринта в толще гранитного массива, но разговаривать ему не хотелось. Он только пробурчал насмешливо:

— Вчуже жалко становится...

— Я все же надеюсь, что с помощью Америки Япония вернется сюда.

— Ну уж дудки! Полагаю, Америка и сама сможет управиться с этим хозяйством. Как вы думаете, мистер Сунагава?

Японец внимательно поглядел на него и молча поднялся. Снова потянулись тоннели.

Скоро американец заметил, что они идут под уклон. Покатость пола, вначале неприметная, становилась круче, и через четверть часа начали попадаться широкие ступеньки, грубо выбитые в камне. Отделка стен и свода тоже была здесь грубой, словно сделанной наспех. На пути попадались большие кучи щебня, валялись забытые кирки и тачки, какие-то полусгнившие доски. Хилл стал спотыкаться, один раз даже упал, налетев на брошенные посередине тоннеля носилки. Тогда он достал свой фонарь. Японец даже не обернулся. Теперь идти было легче. И все же Хилл чувствовал себя очень скверно. Он не заметил, когда появилось болезненное ощущение в груди и в висках, но теперь оно разрослось и заполнило все его существо. Дышать стало тяжело, пот заливал глаза, мешок за плечами превратился в слиток чугуна. Силуэт японца впереди то необыкновенно увеличивался, закрывая все поле зрения, то исчезал совсем. Мрак исчез, все вокруг заполнилось тусклым фосфорическим сиянием. Внезапно что-то мерзкое, липкое, отвратительно пахнущее вязко мазнуло его по щеке. Он закричал, закрыл глаза и сел на пол. Сунагава вернулся и, прерывисто, с всхлипом дыша, стал возле него. Несколько минут они молчали.

— Это его эманации, — сказал наконец японец.

Хилл открыл глаза и увидел над собой его блестящее от пота лицо. Вокруг по-прежнему царил непроглядный мрак, только слабо двигались по своду блики, отраженные от фонаря в руке Сунагава водой под его ногами. Сверху свисали какие-то длинные растрепанные лоскуты.

— Мне показалось, — неуверенно пробормотал Хилл, — что кто-то...

Японец прервал его.

— Вам дурно? Это пройдет. Это всего лишь эманации ака-гасу. Мы уже близко. Где ваш фонарь?

Хилл беспомощно огляделся.

— Потерял... Выронил где-то...

— Это очень плохо. Нужно найти. Идите и ищите.

Американец не нашел в себе сил возражать. Он с трудом поднялся на ноги и потащился назад. К счастью, фонарь не потух и оказался недалеко. Когда Хилл вернулся, Сунагава отобрал у него и фонарь, и пистолет.

— Так вам будет легче, мистер Хилл, — оскалив зубы, сказал он.

В этот момент американец вновь ощутил на лице омерзительное прикосновение. По-видимому, это был один из тех лоскутов, что гроздьями висели под сводами. Сунагава поднял фонарь, и американец увидел то, чего не замечал раньше. Своды и стены были покрыты толстым слоем странной белесой растительности. Ни разу в жизни ему не приходилось видеть что-либо подобное. Полутораметровые нитчатые ростки сплетались в тяжелые, неподвижно висящие фестоны, заполняющие всю верхнюю часть тоннеля. От них шел густой гнилостный запах. Хилл судорожно вцепился в руку японца.

— Что это? — прошептал он.

— Это плесень, — отозвался тот. — Всего лишь плесень. Здесь побывал красный газ. А вот...

Луч фонаря скользнул ниже. Яркий световой круг лег на продолговатое влажное тело, которое Хилл принял сначала за большой булыжник.

— Газ дает жизнь плесени, а плесень — вот этим. Их много здесь.

Исполинская улитка медленно двинулась, оставляя за собой темный след. Хилл стиснул зубы.

— Пойдемте, — хрипло сказал он.

Последующие несколько часов американец провел как в бреду. Сунагава вел его по узким, забитым холодной жижой коридорам, заглядывал в низкие вонючие норы, заставлял карабкаться через груды осклизлых бетонных плит. Они брели по пояс в воде, пробирались через жуткие заросли плесени, останавливались передохнуть в пыльных тоннелях. Время от времени японец приказывал Хиллу кричать, и тогда болезненный вопль американца будил во мраке гулкое раскатистое эхо. Все было напрасно. Того, с драгоценной банкой, нигде не

было. Наконец Сунагава остановился.

— С вашего разрешения, мистер Хилл, — устало сказал он. — По-видимому, худшие мои опасения оправдались. Наш друг попал не в нижнюю, а в верхнюю галерею.

— Значит... Нужно искать его не здесь?

— Боюсь, что его вообще бесполезно теперь искать. Верхняя галерея с одной стороны взорвана, с другой — упирается в «Большой Лифт Оцу». Это вертикальный ход, соединяющий все четыре этажа крепости. И если он добрался до этого хода, то...

— Он вышел на поверхность?

— Скорее всего — да. Я надеялся, что он сорвался и разбился вдребезги. Но видите, его здесь нет... — Световой круг скользнул по полу, выхватывая из темноты обломки гранита, мусор, почерневшие доски.

— Значит, он там.

Над их головами зиял широкий квадратный провал. Луч фонаря терялся в нем. Они находились как бы на дне громадной трубы.

— Куда он мог выйти?

— Через второй ход, там строились позиции для береговой батареи. В двух-трех километрах от пограничной заставы, с вашего разрешения.

Хилл выругался и в изнеможении опустился на камень.

— Возможно, они его уже...

— Вполне возможно. Правда, вряд ли он будет способен рассказать им что-либо, но банка... банка для нас потеряна.

— Что же нам делать?

— Найти другую банку. В нашем распоряжении еще около суток. Пойдемте.

— Куда?

— К гнезду.

— Не пойду.

— Вы отказываетесь выполнить задание? Что скажет шеф?

— Плевать мне на шефа. Я хочу жить.

Сунагава шумно вздохнул, и в свете фонаря Хилл увидел направленный ему в грудь ствол пистолета. Он с проклятием поднялся.

— Ладно, идите вперед.

— Я очень извиняюсь, но теперь впереди придется идти вам. Я вас буду направлять.

В течение получаса они шли молча. Вдруг Сунагава сказал:

— Прошу вас остановиться на минуту. Взгляните сюда. Здесь, вот этот тоннель, — аварийный проход в верхнюю галерею. Наш друг бежал именно сюда. А здесь... не бойтесь, подойдите ближе.

Они стояли на пороге тесной каморки. Тяжелая железная дверь ее была раскрыта настежь. В глубине ее Хилл увидел большое металлическое колесо, укрепленное горизонтально на подставке, похожей на этажерку. Толстая ось колеса уходила в пол.

— Известно ли вам, что это такое, мистер Хилл?

Хилл покачал головой. Тогда японец торжественно произнес:

— Если повернуть это колесо десятков-другой раз, под нами поднимутся шлюзы, океан хлынет в подземную крепость. Мы успели в свое время сделать это только с западным ее сектором. Русские ворвались на остров слишком неожиданно. Нам едва удалось вывезти в море и утопить ненужных свидетелей. Но теперь... Тот из нас, кто будет возвращаться с банкой назад, к «Лифту Оцу», возьмет на себя эту обязанность. Красный газ не должен попасть в руки большевиков. Несколько десятков оборотов справа налево. И — бегом по аварийному ходу. Запомните, мистер Хилл?

Американец не ответил. Они двинулись дальше, путь снова пошел под уклон, и снова бешено забила кровь в висках, сперло дыхание. Снова бред наяву, заросли плесени, гнусные гады, застывшие на полу и на стенах. Хиллу показалось, что еще несколько шагов, и он упадет. И в этот момент Сунагава окликнул его и выключил фонарь.

— Смотрите.

Далеко впереди мерцало пятно кровавого света. Хилл инстинктивно подался назад и наткнулся на японца. Тот, толкнув его в спину пистолетом, резко скомандовал:

— Вперед!

Они медленно приближались к краю тоннеля. Багровое пятно увеличивалось, делалось ярче, мерцало сильнее. Наконец американец сделал последние шаги, вцепился в иззубренный край скалы и замер, остолбенев от изумления.

Сразу за тоннелем открывалась пустота, заполненная кровавым светящимся туманом. Казалось, не было пределов этой пустоте, ибо не было видно ни стен, ни сводов, которые ее ограничивали. А внизу беззвучно кипела и пузырилась странная багровая масса. Она напоминала густое забродившее тесто и в то же время производила впечатление чего-то легкого, почти воздушного, чему только вязкость не дает оторваться от земли. И казалось, что этот студень покрыт тонкой, но плотной пленкой, которую он может сколько угодно растягивать, но не прорвать. Под ней вздувались пузыри, образовывались углубления, пробегала конвульсивная дрожь, и это наводило на мысль о неведомых силах, сталкивающихся и борющихся в глубине.

Хилл, словно замороженный, смотрел на невиданное зрелище, шепча про себя:

— Господи, что же это? Господи, что это такое?

Его вывел из оцепенения голос японца:

— Это и есть красный газ, мистер Хилл. Там, внизу, наша банка. Пора бросать жребий, времени у нас мало.

Глава третья. НЕОБЫЧАЙНОЕ КЛАДБИЩЕ

Олешко не спалось. Осторожно, чтобы не разбудить товарищей, он поднялся с нудно скрипевшего топчана, оделся и вышел. Было около шести часов. С океана дул легкий свежий ветерок, принося неповторимые запахи бескрайних просторов соленой воды. Над островом царил тишина — не было слышно ни птиц, ни насекомых, ни шелеста ветвей. Шагах в двадцати от казармы, у ворот неторопливо прохаживался часовой. Олешко присел на лавочку у крыльца перед вкопанной в землю железной бочкой, на дне которой валялись окурки. «На земле покой, во человеках благоволение», — почему-то вспомнилось ему. Он чуть не рассмеялся вслух. Благоволение! А вот трое этих самых «человец» бродят сейчас где-то у него под ногами по пустынным темным пещерам и творят свое неизвестное, но, несомненно, отнюдь не доброе дело. Он снова подумал о предстоящей операции и постарался представить себе, как все произойдет. Они настигнут нарушителей, загонят их в тупик, как крыс, и заставят сдать. Возможно, будет погоня, перестрелка... Бой в катакомбах. Кажется, это у Катаева, «За власть Советов». И, возможно, именно он, Олешко, решит судьбу боя, пусть тогда вспомнит полковник свои слова об офицерах, хорошо знакомых с оперативной работой... Фу, как стыдно! Размечтался, как мальчишка. Это в тридцать-то лет! Нет, жена права, он неисправимый романтик. А ведь дело серьезное, пахнет кровью. По всему видно, что крысы будут кусаться. Ну что же, он никого не заставит краснеть за себя. Капитану Олешко не пришлось участвовать ни в боях с немцами, ни в боях с японцами, в него никогда не стреляли, и врагов он видел только пленными. Это очень удручало его, и он всегда испытывал чувство стыда и какой-то вины перед своими прошедшими через горнило войны товарищами и начальниками. Может быть, именно поэтому предстоящее дело казалось ему не тяжелой черной работой, как оно представлялось полковнику и Соколову, а чем-то средним между праздником и экзаменом. Только бы не сплеховать. Да, жена права, он, пожалуй, романтик. Но где, черт возьми, сказано, что это плохо?

Дверь стукнула, и на крыльцо вышел Новиков. Увидев его, часовой хотел что-то сказать, но, покосившись на незнакомого приезжего капитана, отвернулся и с прежним усердием принялся мерить шагами ширину ворот. Новиков прыгнул с крыльца, легким

гимнастическим шагом пробежался до спортплощадки и в один момент оказался на турнике. Олешко с затаенной завистью и восхищением следил за его ловкими и точными движениями: самому капитану спорт никак не давался. Новиков принялся делать солнце, то есть, висая на руках, стал описывать телом круги вокруг перекладины, и в этот момент из-за ограды послышался тоненький женский голосок:

— Новиков! Костя!

Олешко оглянулся. За оградой, держась руками за решетку, стояла невысокая круглолицая девушка в белом платье. Голова ее была повязана голубым платком, на ногах красовались большие резиновые сапоги.

— А-а, здоровеньки были... — Новиков лихо спрыгнул с турника и, явно кокетничая, спортивной походкой приблизился к ней. — Здравствуй, Настенька. Как поживаете?

— Ты чего долго не приходил? — строго спросила Настенька.

— Дела были, дорогая, не мог. Сама понимаешь, служба наша солдатская.

— Служба, служба... А кто в ту субботу Клавку Хлебникову из клуба провожал?

— Так ведь ты в ночной смене тогда была. А Клавка... Что ж Клавка... Одна боялась вечером домой возвращаться, вот и проводил. У вас в поселке ведь парни озорные...

— Ну ладно, пусть так. Завтра воскресенье, на озеро пойдешь?

Новиков замялся.

— Не знаю, Настенька. Отпустят — приду, конечно. С Сашкой вместе придем.

— А как не отпустят?

— Ну, сама понимать должна. Не маленькая.

— А мы с Соней собрались, думали, вы тоже придете. Там весело будет. Баян будет играть. Придете?

Тут она заметила устремленные в их сторону взгляды Олешко и часового, с увлечением следивших за ходом свидания, страшно покраснела и очень сухо добавила:

— Коли не хочешь, не приходи, конечно. Дело хозяйское. Но уж только...

Часовой с новой энергией принялся ходить у ворот, Олешко тоже сконфузился и отвернулся, но продолжал прислушиваться.

— Чудная ты, Настя. Ну как я могу обещать? А вдруг не отпустят? Чем злиться зря, скажи лучше, где такой платок красивый достала.

— Да ну тебя. В общем, мы с Сонькой придем, все наши девчата пойдут с засольного цеха. Придете — хорошо, не придете — и без вас обойдемся. Прощай пока.

— До свидания, Настенька.

Через минуту Новиков понуро подошел к крыльцу. Олешко остановил его.

— Садитесь, товарищ Новиков. Посидим, покурим.

Сержант поблагодарил, взял папиросу и несколько раз жадно затянулся.

— Знакомая ваша? — сочувственным тоном спросил капитан.

— Так точно, знакомая. Время вместе проводим.

— Хорошая, видно, девушка.

— Да, девка она ничего. Только никак в толк не возьмет, чего можно, чего нельзя.

— Им это трудно понять.

— Известное дело, баба. Что с нее возьмешь?

— Послушайте, Новиков, — после приличной паузы спросил капитан.

— Вы, конечно, извините, я здесь невольно подслушал... Что это за озеро, о котором она говорила?

— Есть здесь в середине острова, в горах, горячее озеро такое. Там ключи горячие бьют, как кипятки. Туда по воскресеньям чуть ли не весь поселок купаться ходит. Холодно ли, тепло ли, а купаться там хорошо. Только серой очень воняет, и, говорят, у кого большое сердце, тому купанье там во вред.

— Надо бы сходить, посмотреть.

— А вот это дело закончим, возьму увольнительную, и сходим, товарищ капитан. Отсюда не очень далеко, напрямую — километров восемь. Правда, через горы приходится

лезть, но ничего, часа за два дойдем. Оно очень красивое, если с сопок на него смотреть. Синее-синее, как креп-жоржет.

Олешко улыбнулся: последнее слово как-то не подходило этому крепкому парню с грубоватым смелым лицом.

— Обязательно сходим, Новиков. Ну, — он посмотрел на часы, — пожалуй, можно попробовать еще раз уснуть на часок-другой. А там и собираться надо.

Они встали, бросили окурки в бочку и пошли в казарму. «Вот Новиков, — подумал Олешко. — Для него тоже нынешнее дело — главным образом препятствие к завтрашнему свиданию. И, конечно, труд, нормальный солдатский труд, требующий смелости и смекалки».

К половине девятого все были готовы. Олешко выглядел очень воинственно и немного смешно в криво сидящих очках, затянутый донельзя солдатским ремнем, с кобурой, съезжающей на живот. Полковник сам придиричиво осмотрел каждого солдата и офицера. Дойдя до Олешко, он покачал головой и вполголоса, чтобы не слышали солдаты, сказал:

— До чего же ты, братец, неприспособленный какой-то. Все на тебе мешком. Если бы не твои языки, ни за что не взял бы. Смотри, вперед не лезь, держись все время возле меня.

Олешко отлично знал, что Крюков никогда не упускает случая поворчать и подтрунить над ним, даже если всем доволен, но все же испытал легкую обиду. Впрочем, обижаться было некогда. Они выступили. Вечер был ясный, неярко светил молодой месяц, косо повисший в тускнеющих красках заката. К удивлению Олешко, сильно похолодало. Группа двигалась молча, гуськом. Впереди шел Нелюдин, он должен был проводить их до входа и предупредить часового. Сначала шли по тропинке, потом по густой высокой траве, мокрой от росы, и наконец подкованные сапоги солдат застучали по камням. Крюков догнал Нелюдина и стал шепотом выговаривать ему за то, что не позаботился о мягкой обуви. Тот сокрушенно пробормотал:

— Горит мягкая у нас на острове, товарищ полковник. Все-таки сплошной камень. И без подковок нельзя. Сходил солдат раз-другой в патрули на берегу, считай, что нет каблуков. Да вы не беспокойтесь, они и в подкованных тихо ходить умеют.

Он повернулся и дал команду. Звон металла о камень сразу прекратился. Слышалось только осторожное шуршание шагов и дыхание. Полковник прислушался, хмыкнул и, пропустив Нелюдина вперед, вернулся на свое место. Переход занял не более часа. Заря потухла, месяц опустился ниже и налился багровым светом, когда впереди послышалось негромкое: «Стой, кто идет?»

— Капитан Нелюдин, — отозвался начальник заставы. Он приказал группе остановиться и исчез в густой тени за выступом скалы.

— Можно идти, товарищ полковник, — вполголоса сказал он, вернувшись через минуту. Солдаты и офицеры, цепляясь за скользкие камни, поползли вслед за ним на кручу. Олешко ничего не видел в темноте и догадался, что достиг входа в тоннель, только больно стукнувшись макушкой о нависший свод. Вспыхнул фонарик, осветивший мрачную шахту, заваленную обломками гранита.

— Ну, все здесь? — раздался негромкий голос полковника.

— Все, — ответил Соколов, оглядевшись. — Можно начинать.

— Майор Соколов и сержант Новиков, зажечь фонари и вперед. Остальным следовать за мной.

Перебравшись через завал, группа очутилась в довольно просторном круглом помещении, посреди которого возвышались какие-то ржавые железные фермы.

— Похоже на капонир для орудия, — пробормотал Соколов.

Отсюда шли два хода — направо и налево, и полковник разделил группу пополам. Майор Соколов с четырьмя солдатами получил задачу исследовать левый тоннель, полковник с остальными двинулся направо. Олешко шел сразу вслед за полковником и видел впереди себя только силуэты на фоне светового круга от фонаря, который нес впереди Новиков. Через несколько минут полковник приказал остановиться.

— Дальше пойдем, соблюдая полную тишину. Новиков идет посередине тоннеля, остальным следовать за ним, прижимаясь к стенам. Новиков!

— Слушаю вас, товарищ полковник!

— В случае обстрела немедленно гасите фонарь и ложитесь.

— Слушаюсь.

— Вперед!

Но скоро маленький отряд снова остановился.

— Осторожно, — приглушенным голосом сказал Новиков.

Путь был прегражден широким квадратным колодцем с низким, сантиметров в двадцать высотой, каменным парапетом. Олешко заглянул вниз и отшатнулся: бездонная пустота пахнула в лицо страшным ледяным дыханием. В глубине торчали остатки какого-то деревянного сооружения, должно быть, подъемника. Скользнув по осклизлому камню и почерневшим бревнам, световые пятна замерли на металлических скобах, вделанных в стену колодца. Эти скобы начинались от самого парапета и уходили вниз, во тьму, куда свет фонарей достать не мог. Все выжидательно посмотрели на полковника.

— Сделаем так, — сказал он, подумав. — Вы, капитан, вы, Новиков, вы и вы, — он указал на двух солдат, одним из которых был Костенко, — останетесь здесь и попытаетесь спуститься в сию дыру. Я иду дальше. Будьте осторожны, — не удержался он и поспешно пошел вперед. Олешко с некоторым замешательством поглядел на Новикова и Костенко.

— Ну, хлопцы, вам и карты в руки.

— Попробуем, товарищ капитан.

Солдаты быстро размотали веревки, прочно связали их и сделали на одном конце петлю. Новиков продел петлю под мышки и полез через парапет.

— Крепче держите, — коротко сказал он Костенко.

Перебирая одной рукой веревку, другой стиснув фонарик, Олешко с волнением следил, как он ловко и бесшумно спускается со скобы на скобу. Скоро в поле зрения осталась только вздрагивающая веревка.

— Еще одна шахта, — глухо донеслось из глубины, и веревка вяло обвисла. — Хватит травить, из петли вылез, пойду смотреть.

Прошли томительные четверть часа. Новиков не давал о себе знать. Из глубины тоннеля, куда пошел полковник, раздался голоса и шаги, мелькнул огонек, и скоро к колодцу подошел Крюков со своими двумя солдатами.

— Там хода нет, — коротко сказал он. — Что у вас?

Олешко рассказал.

— Думаю, следует спуститься еще кому-нибудь, — добавил он. — Разрешите мне.

Полковник решительно отказал:

— Полезет Костенко.

— Слушаюсь, товарищ полковник, — прогудел ефрейтор и вдруг озабоченно свистнул. — Не вытягивается, однако.

— Кто не вытягивается?

— Веревка. Однако, Новиков ее, видно, к скобе прикрутил. Да я и так полезу, товарищ полковник.

— Ладно, лезь. Пропусти только веревку между ног.

Костенко уже спустил ноги в колодец, когда снизу донеслось:

— Товарищ капитан, разрешите сюда Костенке спуститься!

— Что у тебя там, Новиков? — наклонившись над парапетом, спросил полковник.

— Странная здесь вещь, товарищ... Это вы, товарищ полковник?

— Да-да, ну что?

— Кладбище здесь...

— Что ты сказал? Спускайся, Костенко. Повтори, не расслышал!

— Кладбище нашел. Мертвецов видимо-невидимо.

Полковник и Олешко переглянулись.

— Слушай, Новиков! Сейчас к тебе спустится Костенко, отвяжи веревку. Спустим капитана. Доложишь ему подробно или покажешь. Понял?

— Так точно. Только докладывать тут нечего. Пусть спускаются, посмотрят.

Через пять минут Новиков и Костенко ловко подхватили Олешко и втащили его в тоннель. Тоннель был коротким, шагах в двухстах от входа его во всю ширину и высоту перегородивала ржавая решетка.

— Смотрите, товарищ капитан! — срывающимся шепотом проговорил сержант, просунув руку с фонарем между толстыми железными прутьями.

Зрелище было зловещее. Пространство за решеткой было заполнено мертвецами. Черные, как уголь, голые или прикрытые жалкими лохмотьями, они в разных позах сидели или лежали на каменном полу. Жутко блестели неестественно белыми зубами оскаленные рты. Слепо глядели перед собой пустые глазницы. Трупов было много, вероятно, не менее сотни. Точно сосчитать было невозможно, ибо луч фонаря едва проникал в темноту за ближайшими рядами.

— Ой-ой-ой, — пробормотал Костенко. — Однако, навалили их здесь японцы!

— Заметьте, товарищ капитан, — сказал Новиков, — это не скелеты. Они ничуть не погнили, только вроде как бы обуглились. Словно мумии.

Олешко и сам заметил это, но его мутило, и он только кивнул.

— Посчитать, однако, надо бы, — сказал Костенко.

— Пошли назад. — Олешко сморщился и украдкой сплюнул. — Только... А ну, попробуйте, тряхните решетку. Не поддается? Пошли.

Новиков и Костенко остались на краю тоннеля, а Олешко выбрался наверх и доложил обо всем, что видел, полковнику.

— Несомненно, это часть несчастных рабов, которые строили крепость. Японцы умертвили их, как поступали со всеми, работавшими у них на военном строительстве.

— Так. Говорите, даже кожа у них цела? — задумчиво сказал Крюков.

— Очень интересно. Ну, это все потом. Соколов прислал записку, доносит, что тоже наткнулся на непроходимый завал. Значит, нарушитель мог попасть к выходу только из этого колодца. Им мы и займемся. Кстати, Олешко, для вас будет много работы по специальности. Соколов обнаружил под камнями несколько сейфов с японскими документами. Я приказал, чтобы он оставил там двух солдат продолжать раскопки, а сам шел сюда. Штурмовать преисподнюю будем все вместе. Мне почему-то кажется, что эти диковинные мертвецы и свинцовая банка как-то между собой связаны, — неожиданно закончил он.

— Товарищ полковник, — взмолился Олешко, — пустите меня вперед с Новиковым и Костенко.

Полковник сделал вид, что не слышит. Скоро пришел Соколов.

— Принес образец документика, — сказал он, доставая из кармана сложенный вчетверо лист бумаги. — Пусть наш переводчик посмотрит.

— Не время сейчас, — поморщился было Крюков, но ему и самому было интересно, и он проворчал: — Ладно, переведи, что там... пока солдаты петли сделают на веревках.

— Кунасю, сиова дзюкунэн хатигацу микка... — забормотал Олешко, потом замолчал и стал медленно двигать головой сверху вниз, быстро вверх и снова медленно сверху вниз. Один из солдат подсвечивал ему фонарем.

— Ничего особенного, — сказал наконец Олешко. — Рапорт на имя коменданта Кунашу 3-го августа сорок пятого года от майора... Сунагава, по-видимому, или Сунакава... о выделении ему саперной роты для каких-то работ.

— И все? — спросил Крюков.

— Все.

— Отлично. Теперь вспомним, что где-то поблизости бродят по крайней мере три нарушителя. Спрячьте эту бумажку, капитан, и приготовьтесь к спуску. Пойдете первым, так и быть. Крикните Новикову, чтобы двигался дальше.

Глава четвертая. ФАБРИКАНТ СМЕРТИ

— Я от всего сердца выражаю вам свое сочувствие, — сказал Сунагава.

Хилл остолбенело глядел на обломок спички. Короткая... Жребий пал на него. Лезть с головой в смертоносный багровый студень выпало на его долю. Он никак не мог заставить себя осознать это. Бред, кошмарный сон! Он перевел взгляд на японца. Тот сидел на корточках напротив него, положив руку с пистолетом на колено, внимательно следя за каждым его движением из-под опущенных век.

— Очень сожалею, мистер Хилл. По-видимому, так угодно богу, с вашего разрешения. Я расскажу шефу о вашем героизме и передам в Америку все, что вам угодно будет мне поручить.

Хилл все еще не понимал. Он с проклятием отбросил предательскую спичку и поглядел в сторону страшной ямы.

— Нет, — негромко сказал он, и сам удивился, услышав звук своего голоса. Ему показалось, что говорит кто-то другой. — Нет, я не хочу так... умирать.

Брови японца сдвинулись.

— Прошу вас обратить ваше благосклонное внимание на тот факт, что долгое пребывание возле красного газа весьма опасно. Я тоже рискую не добраться до выхода, если мы здесь слишком задержимся. Почтительнейше прошу вас поскорее выполнить ваш долг. Уверю вас, я бы никогда не стал злоупотреблять вашим терпением.

— Не хочу, — сишло повторил Хилл.

И тут он понял, что погиб. Эта уверенность мгновенно овладела его сознанием, лишила его воли и сил. Ноги его подогнулись, и он мешком повалился на колени. Чарльз Хилл, матерый разведчик и диверсант, профессиональный убийца и шантажист, заплакал. Слезы лились по его ввалившимся щекам, застревали в четырехдневной щетине, капали на засаленную ткань куртки. Сунагава с омерзением смотрел на него. Это янки, один из тех, кто оккупировал Японию и правит ею от имени божественного тэнно... Какой позор! Он вскочил на ноги и ткнул американца стволом пистолета в лицо.

— В яму! Живо, трус, мерзавец! Сумей хоть умереть как человек, а не как пес!

— Да-да, я... я сейчас, я понимаю... — бессвязно забормотал Хилл, отодвигаясь от него ползком, спиной к яме.

Он, шатаясь, поднялся и, путаясь дрожащими руками в лямках, стал снимать мешок. В кровавых отсветах лицо его казалось маской. Он оглянулся назад, взвизгнул и снова повалился на колени.

— Не хочу! Не хочу! Не надо!

В его крике не было уже ничего человеческого. Сунагава понял, что банка останется в яме. Он поднял пистолет и дважды, почти не целясь, спустил курок. Вопль оборвался. Площадка опустела. На поверхности красной пленки медленно затягивалась глубокая впадина. Сунагава глубоко вздохнул, засовывая пистолет в карман брюк, и провел грязной ладонью по лицу. Вернулся к мешку с продуктами, достал бутылку с вином, сделал несколько длинных глотков. Понемногу возбуждение улеглось, и мысли потекли с обычной ясностью и четкостью. Необходимо было сделать две вещи: во-первых, открыть шлюзы, во-вторых, выбраться наружу и поспеть к назначенному месту к моменту прибытия подводной лодки. Времени остава— лось в обрез. Сунагава сунул бутылку за пазуху, набил карманы галетами, затем, после минутного колебания, швырнул мешок в яму.

— Оватта,¹ — вслух сказал он.

Да, все было кончено. Сунагава, офицер давно переставшей существовать армии навсегда останется бесправным наемником тупых и кичливых янки, он навсегда обречен на

¹ Кончено (яп.)

покорное выслушивание брюзгливых нотаций от бездарей, вроде шефа, на совместную темную деятельность с ничтожествами, подобными Чарли Хиллу, на опасную и позорную жизнь третьеразрядного шпиона. И жизнь эта окончится либо в тюрьме, либо на виселице. Ему уже никогда не стать тем, кем мечтал он стать более десяти лет — могущественным хозяином грандиозного комбината багровой смерти. Он, Сунагава, имел для этого все возможности. Пусть Морган производит атомные бомбы, а Дюпон — водородные. Хорошее оружие, сильное оружие, кому-кому, а его соотечественникам это хорошо известно. Но он бы перехватил часть золота, которое льется в бездонные карманы этих миллиардеров. Ака-гасу мог бы стать славой и честью любой желающей платить армии, любой, кроме, разумеется, большевистской. И вот все кончено, мечты разлетелись в прах накануне их осуществления. Может быть, имеет смысл броситься головой вниз в страшную яму? Сунагава поежился. Нет. Надежды исчезли, а ненависть осталась. Если не ему, то никому. Во всяком случае, не русским. Через час сюда хлынет океан, и люди никогда не узнают о красном газе, если только... Нет, нужно надеяться, что тот болван заблудился в бесконечных галереях верхних этажей и сломал себе шею в какой-либо шахте. А если даже его выловили русские? Что поймут грубые безграмотные пограничники? Они испугаются, что в свинцовой банке спрятана какая-нибудь мина и поскорее выбросят ее в океан. В худшем случае распилят ее пополам. И найдут там... Сунагава даже улыбнулся, представив себе содержимое банки на грубых ладонях увальня-русского. Тайна красного газа, которую не смог разгадать до конца даже сам Сунагава, умрет вместе с ним. С кем — с ним? С Сунагава или с русским? Мысли снова стали путаться. И, не оглядываясь больше на место гибели всех его надежд, он почти бегом устремился в тоннель. Перед глазами мерцал фосфорический туман, зрение его как бы раздвоилось, и он видел одновременно и то, на что падал пляшущий луч фонаря, и мертвые лица убитых им на пути к славе и могуществу, и их было много. Преодолевая чудовищную усталость, падая, цепляясь за покрытые мерзостью стены, японец упрямо поднимался к развилке галерей, где находилась камера управления шлюзами.

До нее оставалось не более сотни шагов, когда он остановился и потушил фонарь. Ему показалось, что слышны голоса людей. В ушах гулко билась кровь, ему пришлось собрать всю силу воли, чтобы успокоиться. Но когда глаза привыкли к полному мраку, сомнения исчезли. Кто-то шел навстречу. Сунагава увидел слабые вспышки света далеко впереди, затем послышались отчетливо негромкие голоса, звук торопливых шагов, кашель. На мгновение им овладел ужас. Но он сумел взять себя в руки. Не зажигая фонаря, ощупывая стену слева от себя, он быстро и бесшумно пошел дальше. Скоро рука его ушла в пустоту — здесь была дверь. Он на ощупь, высоко поднимая ноги, чтобы не запнуться, вступил в камеру и нащупал металлический обод колеса. Стопор он нашел быстро, но, когда приготовился крутить, шум шагов раздавался уже совсем близко. Колесо закрипело тонким пронзительным визгом. Один оборот, два, три, четыре... На шестом оно внезапно остановилось. Мокрый от пота, затаив дыхание, Сунагава изо всех сил налегал на него, но все было напрасно. По-видимому, несложный поворотный механизм вышел из строя. Сунагава бешено выругался и выскочил за дверь. И сейчас же в лицо ему ударил яркий свет и раздался резкий окрик:

— Стой!

Он повернулся и бросился бежать.

— Стой, стрелять буду!

Грохот выстрела прокатился под сводами, пуля щелкнула о камни и с жалобным воем улетела в пустоту. Сунагава мчался вниз по уклону тоннеля, слыша тяжелый топот ног преследователей. Он знал, что свернуть здесь некуда, и ему придется еще раз увидеть гнездо красного газа. В этом было его преимущество: те, кто преследовал, должны были внимательно осматриваться по сторонам, чтобы не пропустить возможного поворота. Кроме того, их фонари давали ему возможность более или менее свободно ориентироваться на бегу. Но он очень устал и скоро почувствовал, что задыхается. Начались заросли плесени. Он услышал позади изумленные восклицания. Тогда он понял, как должен действовать. Из

последних сил он добежал до края тоннеля, проскочил через площадку, озаренную багровым заревом, и оказался в галерее, по которой убегал сутки назад от волны красного газа. Тут он залег, достал пистолет и постарался отдышаться, чтобы не дрожала рука. Отсюда до выхода из противоположного тоннеля не было и двадцати шагов, а Сунагава всегда считал себя неплохим стрелком. Итак, Хилл оказался не последним из тех, кому суждено окунуться в красную пленку. Расчет японца оправдался. Через минуту к яме выбежали трое русских — долговязый офицер в очках и двое солдат с карабинами наперевес. Выбежали и остановились, как вкопанные, пораженные невиданным зрелищем. Сунагава отчетливо видел их лица, выражающие сильнейшее удивление и растерянность. Он улыбнулся, упер для верности пистолет рукояткой в выступ скалы и поймал на мушку грудь офицера. И все же японец просчитался. Он забыл, что имеет дело с советскими пограничниками. Треснул выстрел, и офицер рухнул навзничь. Но одновременно с ним упали и оба солдата, выбросив на лету вперед стволы карабинов. И не успел Сунагава опомниться, как вокруг него защелкали пули. Одна из них содрала кожу и клочок волос на его макушке, другая обожгла вскользь руку. Сунагава пригнул голову и стал отползать. Противный мокрый озноб охватил тело. Одежда вдруг стала тесной, мешала двигаться. «Ранен?» — подумал он, бессильно роняя голову, и сейчас же испуганно приподнялся: под ним была вода. Значит, шлюзы все-таки открылись, дело сделано. Он чуть не рассмеялся в припадке истеричного злорадства. Темная тень на мгновение заслонила освещенный вход в тоннель. Сунагава хотел выстрелить, но что-то обрушилось на его голову, ударило в мозг, яркими искрами озарило полумрак перед его глазами.

Новиков сунул пистолет диверсанта за пояс, подобрал карабин и тревожно оглянулся. Костенко, побряхтывая, принес на плечах вяло обвисшее тело Олешко.

— Ну чего ты сюда с ним приперся? — с раздражением спросил Новиков.

— Там уже, однако, нельзя оставаться, — угрюмо пробормотал ефрейтор.

— Что такое? Почему нельзя?

— Вода...

Новиков взглянул под ноги. В неярких красных отсветах поблескивали вокруг голенищ тяжелых армейских сапог ленивые мелкие волны. Нарушитель, лежавший лицом вниз со скрученными за спиной руками, отчаянно забился, пытаясь подняться.

— Лежи, сволочь, — злобно крикнул Новиков.

— Захлебнется, однако, — озабоченно возразил Костенко. — Прислони-ка его к стене. Вот так. Мнится мне, однако, что водица-то прибывает... Вот, послушай...

Пограничники прислушались. Далекий смутный гул наполнял спертый воздух тоннеля. Казалось, где-то далеко работают мощные электромоторы.

— Ровно водопад, как ты думаешь?

Новиков не ответил. Он с удивлением и тревогой смотрел через плечо товарища. Костенко оглянулся, все еще держа Олешко на плечах. Прямо перед входом в тоннель маячил, покачиваясь взад и вперед, длинный узкий язык багрового пламени. Он медленно изгибался упругими, полными сдержанной силы движениями, словно чудовищная змея, и заметно было странное вращательное движение всей его поверхности. Он как бы ввинчивался в воздух, вытягиваясь все больше и больше.

— А-а-а! — прокатился по тоннелю дикий крик.

Японец дергался, сидя по пояс в воде, не спуская широко раскрытых глаз с того, что происходило над ямой.

— Икэ! Икэ! — кричал он. — Ака-гасу га дэру! Моттэтэ курэ!² Тэйк ми эвэй, йэ рашэн дэвилс! Дэс! Дэс!³

² Уходите! Уходите! Красный газ выходит! Унесите меня! (яп.)

³ Возьмите меня отсюда, русские черти! Смерть! Смерть! (англ.)

— Уйдем отсюда по добру по здорову, — испуганно проговорил Костенко. — Не к добру, однако, этот поганец разорется...

— Капитана перевязать бы надо, — нерешительно предложил Новиков.

— Выйдем куда повыше, там и перевяжем. Здесь все одно посадить его негде. Вода-то прибывает, не видишь?

Не дожидаясь ответа, он бережно поправил свою ношу, достал фонарь и зашагал вглубь тоннеля. Новиков поднял задержанного на ноги. Тот сразу же замолк и пошел, почти побежал, так быстро, что пограничники едва поспевали за ним.

Вскоре мутный розоватый свет померк и скрылся за поворотом. Вода все прибывала. Новиков споткнулся и ушел в нее с головой, едва не выронив оружие.

— Соленая, — сказал он, отплеываясь. — Океанская, видать.

Костенко хрипло выдохнул:

— Затопляет, никак, пещеры. Шагу прибавить, однако, надо.

Но они и без того бежали изо всех сил. Вдруг японец остановился и показал на узкий проход слева. Там виднелись вбитые в стену железные скобы, совсем как те, по которым пограничники спускались час назад. Костенко поднял фонарик. В своде тоннеля зияла круглая дыра. Новиков вопросительно взглянул на диверсанта. Тот кивнул головой. Возможно, это была ловушка. Ведь диверсант был не один в катакомбах. Где-то поблизости скрывались его приятели. Но выбора не оставалось. К тому же задержанный должен был понимать, что погибнет прежде, чем его смогут освободить. И Новиков приказал:

— Давай сюда капитана, Костенко, возьми веревку и лезь наверх. Оружие держи наготове. Оттуда спустишь петлю, вытянешь сперва капитана, затем самурая. Я поднимусь последним.

Когда мокрый с головы до ног сержант выбрался в верхний тоннель, Костенко осторожно разрезал на Олешко гимнастерку, а японец сидел на корточках, опершись спиной о стену. Пуля прошла через мякоть плеча навывлет и, по мнению Новикова, знавшего толк в подобных делах, кости не задела. Бессознательное состояние раненого объяснялось тем, что, падая, он сильно ударился затылком об острый выступ скалы. Крови из раны вышло немного. Пограничники тщательно перевязали капитана, истратив на это все индивидуальные пакеты. Затем, смущенно оглянувшись на сержанта, Костенко достал из заднего кармана плоскую флягу, открыл Олешко рот, сдавив ему сбоку челюсти своими железными пальцами, и влил туда чуть ли не половину содержимого. Капитан закашлялся, рванулся и застонал.

— Спиртец? — ехидно спросил Новиков.

Костенко кивнул. Избегая укоризненного взгляда товарища, завинтил крышку, сунул флягу в карман. Японец пристально наблюдал за этой процедурой.

— Что смотришь, бандит? — заорал на него зло Костенко, замахнувшись огромным кулаком. Тот отшатнулся и что-то быстро проговорил, ощеря редкие блестящие зубы.

— Он говорит... ты не смеешь бить... пленного... Говорит, что он офицер и дворянин, а ты простой солдат... — слабым голосом сказал вдруг Олешко.

— Товарищ капитан, очнулись? — обрадовано вскрикнул Новиков.

— Кажется... Где мы? Что это... было? Красный свет...

Сержант кратко рассказал, что произошло внизу.

— Черт... Голова болит... и плечо... Ранен, значит. Это... ничего. Покажите мне... мерзавца. — Олешко, ужасно сморщившись, принял при помощи Костенко сидячее положение. Новиков подтащил диверсанта ближе и направил ему в лицо луч фонаря.

— Нихондзин да ка?⁴

— Со дэс, — с угрюмой покорностью сказал японец. — Эйго мо дэжимас.⁵

⁴ Японец? (яп.)

⁵ Да. Могу говорить и по-английски (яп.)

— Сорэ ва... бэнри да.^б Ребята, вы его обыскали?

— Так точно, товарищ капитан. Вот, пистолет я у него отобрал, нож, сухари, бутылка с чем-то, фонарик. Больше ничего нет.

— Прелестно. Теперь нужно выбирать. Дорога известна?

Новиков и Костенко переглянулись.

— Выберемся как-нибудь, — неуверенно сказал Новиков.

— Внизу никак не пройти?

— Никак, товарищ капитан. Вода кругом. Я последним поднимался, так мне чуть не по шею было. И откуда ей взяться, скажи на милость...

Олешко указал на диверсанта.

— Он знает. Это... его рук дело. Погодите, я с ним поговорю.

Исполнились его «романтические бредни». Раненый, измученный, сидит он в самом сердце зловещего подземного лабиринта и допрашивает только что пойманного при его участии диверсанта. Олешко внимательно разглядывал обтянутое заросшее лицо японца. Черный рот устало раскрыт, лоб испачкан запекшейся кровью, губы потрескались, а глаза... холодные, жесткие, безжалостные, они прячутся под набрякшими веками, словно боятся выдать страх и ненависть. Лицо врага.

— Кто вы?

— Я уже имел удовольствие сообщить вам, что я офицер и дворянин.

— Ваше имя?

— Это не имеет значения, с вашего разрешения.

— Говорить отказываетесь?

— С вами — да, почтительнейше прошу извинить. Я буду говорить с вашими почтенными начальниками.

Олешко подумал.

— Вы хорошо знаете эти тоннели?

— Да, смею сказать, хорошо.

— По-видимому, служили здесь раньше?

Японец не ответил. Олешко достал из кармана смятый листок, доставленный Соколовым полковнику и попросил Костенко осветить.

— Вам известен некий Сунагава? — медленно спросил он. По-видимому, напряжение и усталость, вызванные всем, что произошло за последние трое суток, сказались даже на этом прожженном пройдохе и лицемере. Японец сильно вздрогнул и с изумлением заморгал глазами.

— Вы... знаете? — пролепетал он.

— Понятно, — процедил Олешко, ловя его убегающий взгляд. — Вы?

Он был изумлен не меньше диверсанта, но сумел скрыть это. Недаром у него за плечами было участие в подготовке к Хабаровскому процессу, когда через его руки прошло несколько десятков подлых убийц, ученых бандитов из шайки генерала медицинской службы императорской армии Исии Сиро. Он хорошо знал своего противника, а тот, по-видимому, мог рассчитывать только на свое нахальство.

— Значит, — повторил Олешко, — вы — Сунагава?

Японец ожесточенно замотал головой и с трудом проглотил слюну.

— Нет, нет, — хрипло выкрикнул он. — Вы говорите ложно. Я не Сунагава. Но я его знаю. Он руководил нашей группой и погиб. Я все расскажу о нем, что мне о нем известно, если вам нужно...

— Сколько вас высадилось на остров?

— Дво... двое.

^б Это... удобно (яп.)

— Вместе с Сунагава? Врете.
— Я ошибся, нас было четверо. — Японец опустил голову.
— Где остальные?
— Погибли.
— Вы убили их?
— Их сожрал красный газ. Всех... троих. Они там, внизу, под водой.
Олешко с омерзением поглядел на диверсанта.

— Врете, господин Сунагава. Вы перестреляли их, чтобы избавиться от свидетелей. Но имейте в виду, одному удалось спастись. — Он помедлил немного и прибавил: — Свинцовая банка тоже в наших руках. Запираться бесполезно. Вас послали сюда за этим самым... за красным газом. Так?

— Я все расскажу... все расскажу, — торопливо забормотал японец. — Но почтительнейше умоляю вас, давайте уйдем отсюда. Сюда идет вода.

— Откуда вы знаете?

— Океан прорвал шлюзы, по моему ничтожному мнению. Так уже случилось в тоннелях на западной стороне острова... десяток лет назад, с вашего разрешения. Нужно уходить.

— Новиков, — сказал Олешко. — Загляни в шахту, по которой мы сюда поднимались.

Сержант отошел в сторону. Видно было, как он наклонился с фонарем в руке, потом лег на грудь. Сейчас же на сводах тоннеля заиграли причудливые световые блики.

— Вода, товарищ капитан, — тревожно проговорил он. — Уже до половины...

— Уходим, — коротко сказал Олешко. — Костенко, будь другом, помоги подняться. Нож заberi, а галеты отдай японцу.

И они пошли. Впереди, сопровождаемый по пятам Новиковым, шел диверсанта. За ним, опираясь на карабин, тащился Олешко. Шествие замыкал Костенко, готовый в любой момент подхватить шатавшегося от слабости капитана. Японцу было неловко идти со связанными руками, но шел он быстро, пугливо оглядываясь и прислушиваясь к чему-то. Во время короткой остановки, сделанной для отдыха, все отчетливо слышали: издали доносился грозный рев воды. Наступали последние часы существования подземной крепости.

Вскоре вновь пришлось прибегнуть к помощи веревочного кольца. На этот раз шахта оказалась очень глубокой, так что пограничники должны были связать две веревки вместе. Наверху с японцем произошла разительная перемена. Он принял гордый вид и грубо потребовал, чтобы ему освободили руки.

— Иначе дальше я не поведу, — нагло объявил он.

Олешко догадался, что опасность затонуть миновала. Эта галерея была, очевидно, уже выше уровня океана. Трясаясь от ярости, он выхватил из рук Новикова карабин и щелкнул затвором. Диверсанта отступил на шаг и принялся извиняться:

— Простите, пожалуйста, я не имел в виду ничего дурного. Я сам офицер, и ни за что на свете не пожелал бы навлечь на себя неудовольствие, — тут он приторно осклабился, — такого храброго офицера, как вы.

— Одаэва сиоко дзя най, кусо да, — прорычал Олешко. — Ведите дальше.

Но идти дальше Олешко не мог. Его лихорадило, горела рана, страшно ломило ушибленный затылок. Тогда Костенко, невзирая на его протесты, опять взвалил его на плечи. Свой карабин он повесил на шею японца, предварительно осмотрев узлы, спутывавшие руки диверсанта, и высыпав патроны. Идти с каждым часом становилось труднее. Измученный японец то и дело падал. Новиков в конце концов сжалился и забрал у него карабин. Олешко потерял сознание, метался, бредил. Но останавливаться больше было нельзя. Батарейки в фонарях были на исходе. Пограничники с тревогой следили за тем, как тускнеет и принимает красноватый оттенок световой круг. Новиков собрался уже достать свечу, когда японец вдруг встал, как вкопанный, огляделся и выдохнул: «Коко...»

Направо виднелся узкий ход. Заглянув туда, сержант радостно вскрикнул. В конце хода слабо брезжило сероватое пятно дневного света.

Олешко очнулся от спирта, жидким пламенем наполнившего горло. Он открыл глаза и тут же зажмурился. Ослепительное радостное солнце било ему прямо в лицо.

— Выбрались? — прошептал он.

— Выбрались, однако, товарищ капитан, — прогудел Костенко, пряча заветную флягу. — Теперь отдохнем малость, и до дому.

— Далеко же мы зашли, — послышался голос Новикова. — Никак к серному заводу. Ну да! Глядите, товарищ капитан!

Олешко приподнялся. Они находились на склоне крутой скалистой горы. Внизу проходила утонувшая в зелени узкая долина, за нею поднималась вторая гряда сопок. Там, куда указывал Новиков, виднелись развалины какого-то деревянного строения.

— Это и есть серный завод. Там японцы серу добывали, что ли... Сейчас спустимся, пройдем километра два этой долинкой, поднимемся на сопочку и увидим горячее озеро... — Сержант запнулся. Олешко захохотал.

— Похоже, что свидание состоится, а, Новиков?

— Похоже, — пробормотал, смущенно улыбаясь, сержант. — А я, признаться, только сейчас о нем вспомнил.

— О чем это? — спросил Костенко, удивленно глядя на него.

— Так, об одном деле, потом расскажу. Ну, гляди, куда самурай нас вывел. Вот. Не думал, не гадал...

Это было огромным наслаждением — брести по колено в густой сочной траве, ощущая всем телом живительное тепло солнечных лучей, вдыхая полной грудью (пусть при каждом вдохе саднит рана в плече, для таких ощущений можно и потерпеть) чистый воздух, напоенный терпким запахом свежей зелени. Страшные катакомбы, обитающая в них фантастическая нечисть, вода, идущая по пятам, таинственный красный газ — все это казалось здесь нереальным и далеким, приснившимся после приключенческой книжки, сном, от которого осталась только тяжелая усталость, боль в ране и связанный диверсант. Олешко сорвал красивый цветок, поднес его к носу. К его удивлению, никакого аромата у цветка не было.

— Это уж так на нашем острове, — вздохнул почему-то Новиков. — Не пахнут наши цветы, хоть и красивые.

Перед подъемом на сопку отдохнули, лежа в траве. Видя, что японец совершенно выбился из сил, Олешко приказал развязать ему руки. На всякий случай сказал:

— Попробуетесь бежать — за последствия не отвечаю. От наших солдат не убежишь, а поймают, не будут, наверное, смотреть на ваше дворянское звание, господин Сунагава. Наложат по шее самым простонародным образом.

Японец сделал вид, что не расслышал или не понял. Повторять Олешко не стал. Воля врага была сломлена, и он знал это.

Когда они, запыхавшись, выбрались на гребень сопки, покрытый запыленным снегом, Олешко ахнул от восхищения. Далеко внизу синело ярко круглое озеро, окруженное желтыми и бурными скалами. Кое-где из скал поднимались струйки белых паров. Свежий ветерок доносил слабый запах сернистых газов. Несколько десятков крохотных фигурок виднелись на берегах — молодежь из рыбацкого поселка не пожалела ног ради удовольствия выкупаться в целебных горячих водах, хотя мало кто нуждался в целебных свойствах этих вод. Озеро было поводом, а не целью для прогулки и веселого пикника.

— Отдохнули? — спросил Олешко.

— Отдохнули, товарищ капитан, — откликнулся Новиков. — Ну, ты, бандит, ступай вперед. — И он подтолкнул японца к спуску.

Путь их проходил по самому берегу озера, и парни и девушки с удивлением разглядывали почерневших от подземного праха пограничников и ободранного маленького японца, устало-равнодушно смотревшего себе под ноги.

— Поймали субчика? — крикнул кто-то.

— Молодцы, пограничники! Жаль только, что не пристукнули...

— И чего эта сволочь суется к нам?

— Смотрите, чтобы опять не убежал...

— Убежит — поймаем да так дадим, что забудет, как бегать...

И Настя тоже была здесь. Увидев Новикова, она слабо охнула и шагнула было к нему, но сержант повел бровями, и она остановилась, прижимая руки к груди, глядя на него с немой преданностью и восхищением. Олешко улыбнулся, нагнал сержанта и проговорил вполголоса:

— Пропала теперь девка. Навеки приворожил ты ее сегодня.

Новиков растерянно оглянулся на него, хотел что-то сказать, но только вздохнул. Озеро осталось позади.

Вечером, с пристрастием расспросив доктора и фельдшера, полковник Крюков вошел в комнату, где лежал Олешко, и присел на край его койки.

— В состоянии? — спросил он.

— В состоянии, товарищ полковник, — сказал капитан. — Мне даже не терпится.

— Ну, лады. Нелюдин! Поставь здесь нам стол, дай бумагу, чернила, и веди японца сюда. Будем ковать железо, пока горячо. Ну, Олешко, удивил ты меня. Зарекись теперь тебя вышучивать.

Олешко с трудом сдерживал счастливую улыбку.

Глава пятая. ЧЕТВЕРТОЕ ЦАРСТВО

— Прошу извинения, товарищ генерал, — сказал капитан Олешко. — Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, когда говорите о Четвертом Царстве.

Генерал Игнатьев, ученый с мировым именем, улыбнулся, поглаживая небольшую серебряную бородку.

— Ну, видите ли... Это, разумеется, довольно условное выражение,

— ответил он. — Поэтическая вольность, если хотите. Некогда естествоиспытатели делили природу на три царства: царство минералов, или неживых вещей и явлений, растительное царство и царство животных. В те времена считали, что эти области явлений природы совершенно обособлены и друг с другом не связаны. Современная же наука полностью отвергает представление об их обособленности. Четкой границы между живым и неживым нет, тем более нет ее между растительным и животным мирами. Так что употреблять выражение «три царства природы» в строго научном смысле по меньшей мере предосудительно. И когда я говорил о Четвертом Царстве, то просто имел в виду явления, которые не укладываются в некоторые наши представления ни о растительном и животном мире, ни о неживой природе.

— Непонятно, — покачал головой Олешко. — Как же это так, ни живое, ни мертвое... Что-нибудь вроде вирусов, может быть?

— Нет. Биология отводит вирусам вполне определенное место в общей схеме органического мира. Вирус — простейший живой организм, нечто от переходной ступени от живого вещества к живому существу. И как он ни мал, сколь ни примитивны его физиологические отправления, принципиально он не отличается от более высокоразвитых организмов. Короче говоря, вирус — это живое. А Четвертое Царство — оставим для простоты такой термин — должно коренным образом отличаться от живого. Ведь что такое живое? Что такое жизнь?

— По Энгельсу, — сказал Олешко, — жизнь есть способ существования белковых тел.

— Совершенно верно. Способ существования белковых тел. Следует добавить, что этот способ существования характеризуется способностью данной комбинации белков производить постоянный обмен веществ с окружающей средой, размножаться, так или иначе реагировать на внешние раздражители и так далее. Но самое главное — жизнь немислима без белка. Вирус отвечает всем этим условиям. А вот явления, которые я отношу к Четвертому Царству, не отвечают, во всяком случае, отвечают не полностью. Следовательно,

они не являются жизнью. Четвертое Царство не знает белка. В известном смысле оно даже враждебно белку. И в то же время оно резко отлично от инертной неживой природы, ибо обнаруживает, хотя и очень своеобразно, целый ряд свойств, присущих только живым организмам.

— Значит, то, что мы видели в тоннеле на Кунашу, и было из Четвертого Царства?

— Совершенно не сомневаюсь в этом. Между прочим, товарищ Олешко, ведь вы — один из немногих, кому привелось взглянуть на красный газ во всем его великолепии, не так ли?

— Пожалуй, товарищ генерал. Если не считать Сунагаву, яму, гнездо красной пленки, видели только трое — я, сержант Новиков и Костенко. Да и то мельком. Нам было тогда не до этого. Мы наткнулись на нее неожиданно и были слишком ошарашены, чтобы разглядеть что-нибудь. Меня ранило, началась перестрелка, так что при всем желании я не возьмусь сообщить вам какие-либо подробности. Помню только широкую поверхность, переливающуюся темно-красным светом, словно расплавленный металл. И такой же багровый туман над ней. Может быть, Костенко или Новиков...

Генерал кивнул.

— Описание внешнего вида явления у нас есть. Ведь Сунагава, как выяснилось, давно уже был знаком с красным газом. Он совершенно случайно открыл его в начале сорок пятого года во время строительства этой самой подземной крепости. Среди бумаг, которые ваша группа обнаружила в сейфе в верхней пещере, оказалось много документов, непосредственно касающихся красного газа. Часть их составлена самим Сунагавой. Так что нам известно теперь о красном газе все, что знал о нем этот неудавшийся фабрикант смерти. И надо сказать, дорогой Олешко, редкое открытие уходит своими корнями в такую чудовищную пучину жестокости и научно организованного варварства. Вы — непосредственный участник событий на Кунашу, и вам следует знать кое-какие детали этого дела.

Генерал поднялся, прошел к книжному шкафу и достал большую зеленую папку.

— Здесь у меня все письменные материалы по красному газу, — сказал он. — Все, что найдено вами, все, что я обнаружил в архивах трофейных документов, все, что имеется по этому вопросу в иностранной прессе.

Он раскрыл папку, и Олешко увидел кипу пожелтевших бумаг, исписанных иероглифами, несколько тетрадей, конверты с газетными вырезками.

— Как видите, много документов на японском языке. К каждому приложен перевод. Впрочем, вы, кажется, сами знаете японский, не правда ли? В свое время я хотел привлечь вас к работе с этой документацией, но не смог договориться с вашим начальством... Ага, вот он.

Генерал извлек большой лист бумаги, истершийся на сгибах, и бережно развернул его. Олешко с любопытством скользнул взглядом по аккуратным колонкам иероглифов, написанных поблекшими синими чернилами. Поперек текста шла размашистая надпись красным карандашом.

— Докладная записка гарнизонного врача Кунашу майора Сунагава генералу Исии. Надпись красным — по-видимому, резолюция самого Исии, — сказал он. — Если вы не возражаете, товарищ генерал, я бы предпочел прочитать готовый перевод.

— Пожалуйста. — Генерал перелистал одну из тетрадей. — Вот он.

Олешко прочел: «Его превосходительству генералу Исии от майора медицинской службы Сунагавы, старшего врача гарнизона 17-А. 5 июня 1945 года. Считаю своим долгом довести до сведения вашего превосходительства, что при строительстве подземных сооружений в гарнизоне 17-А было обнаружено скопление неизвестного вещества, похожего одновременно и на коллоид, и на газ. Это скопление располагается в обширной пустоте в толще гранита на глубине около тридцати метров ниже уровня океана. Указанное вещество проникло в штольню, проходившую недалеко от места скопления. Проникновение его сопровождалось сильным взрывом, в результате которого обрушилась стена штольни. Вещество быстро затопило штольню, причем погибли не только те рабочие и техники,

которые остались в нем, но и часть успевших выбраться на поверхность. Исследовав характер повреждений, нанесенных им, я пришел к выводу, что смерть их последовала не от контузии и не от отравления, а от странных ожогообразных поражений, напоминающих лишаи. Это навело меня на мысль о возможности использования упомянутого „газо-коллоидного“ вещества в интересах империи. Воспользовавшись существующим приказом об уничтожении больных и раненых рабочих на стройках особого назначения, я с разрешения начальника гарнизона полковника Ояма собрал потерявших трудоспособность шестьдесят китайцев, корейцев и англо-американских военнопленных в одной из штолен по соседству с гнездом газа и велел им пробивать ход к гнезду. Результат получился удовлетворительный. Когда через два дня, приняв все меры предосторожности, я спустился к подопытным, все они были мертвы, в том числе охранявший их солдат. Никаких следов газа там не оказалось, не было его и в галерее, прилегающей к гнезду. К сожалению, пролом в стене оказался завален, и доступ к гнезду был невозможен без специальных работ. Даю описание газа на основании собственных наблюдений и со слов оставшихся в живых свидетелей взрыва. Это клубящаяся, непрерывно движущаяся желеобразная масса, по-видимому, легче воздуха или одного с ним удельного веса. Светится интенсивным красным светом, запаха не заметно. Исчезновение его из прилегающих штолен объясняю разложением в результате реакции с воздухом. Уверен, что, проведя должные работы, можно добиться доступа к гнезду, исследовать это вещество и, возможно, найти ему военное применение».

— К этой бумаге приложено описание состояния убитых газом, — сказал генерал. — Суть этого описания сводится к тому, что кровь жертв содержит невероятно малое количество эритроцитов и кишит белыми кровяными шариками, что наблюдается омертвление кожных покровов и так далее. И резолюция Исии: «Благодарю за усердие. Продолжайте работу. Обещаю помочь». Как вам это нравится?

— Да, мерзавец отменный, — пробормотал Олешко. — Врач-убийца... И все остальные бумаги тоже в таком роде?

— Есть и такие, — сказал генерал. — Японские фашисты в людоедстве ничем не уступали немецким.

— Или американским. Стоит только вспомнить генерала-чуму Риджуэя.

— Кстати, да будет вам известно, — заметил Игнатьев, — что именно Риджуэй дал санкцию на проведение операции по добыче образцов красного газа. А вот еще один документ. Хотите послушать?

— Конечно, товарищ генерал.

— «Приложение 2 к рапорту от 17 июля. Описание методики третьей серии опытов с ака-гасу. Подопытных на веревках опускали с головой в гнездо и держали в красной пленке по хронометру от одной секунды до двух минут, после чего помещали в специально для этого отведенный штрек, забранный решеткой, что позволяло вести за ними непрерывное наблюдение. Установлено, что все подопытные, независимо от времени их пребывания в красном газе, умерли в страшных мучениях через двенадцать-пятнадцать часов после опыта».

— Сволочь какая, — произвольно вырвалось у пораженного Олешко.

— Вы знаете, товарищ генерал, ведь мы нашли этот самый «специальный штрек». Он был битком набит мертвецами. Полковник Крюков рассказывал мне, что их пытались вытащить на поверхность и похоронить. Но они рассыпались при первом прикосновении, превращались в пыль...

— Это я знаю, — сказал генерал. — А вот не скажете ли вы мне, не было ли чего-нибудь необычного в тоннелях поблизости от гнезда?

Олешко подумал и рассказал о зарослях исполинской плесени, о громадных слизняках и мокрицах. Слушая его, генерал кивал головой. Затем достал еще один документ.

— «Эманации красного газа вызывают усиленный рост и развитие низших организмов, хотя на человека действуют весьма болезненно. Особенно благотворно их влияние на

скорость размножения различных бактерий и микроскопических грибов». Это отрывок из проекта второй докладной Сунагава, в которой он, по-видимому, старался подытожить свои наблюдения. Теперь послушайте выдержку из его дневника: «В десять часов вечера на поверхности пленки начало образовываться воронкообразное возвышение, сопровождавшееся быстрым вращательным движением ее частиц вокруг этого места. Воронка увеличивалась, вытягивалась подобно смерчу, и закругленный конец ее раскачивался в разные стороны. Свечение было в этот момент особенно интенсивным. Затем она почти мгновенно превратилась как бы в длинное щупальце, которое протянулось из ямы и устремилось...» — тут неразборчиво, как отмечает переводчик. Так, дальше... «Все трое подопытных китайцев и один из солдат погибли через полсутки. Полковник Ояма порекомендовал мне быть осторожнее и обеспечить впредь безопасность солдат».

— Новиков рассказывал, — заметил Олешко, — что они с Костенко тоже наблюдали что-то в этом роде, пока я был без сознания.

— Вот как? — Генерал погладил бородку и с интересом взглянул на него. Потом махнул рукой. — Впрочем, теперь это уже все равно. А жаль... право, жаль... Но вы избежали, в таком случае, страшной опасности.

— Товарищ генерал, — набравшись смелости, спросил Олешко, — что же было в той свинцовой банке? Красная пленка?

— Да, там был единственный в мире сохранившийся образец Четвертого Царства. К сожалению, мы не имели еще тогда бумаг Сунагава, а сам он упорно отлынивал от разговоров на эту тему. У нас был только сбивчивый и показавшийся нам мало правдоподобным отчет, составленный Крюковым с ваших слов. Тем не менее мы открыли банку со всеми мерами предосторожности. В банке оказался комок красноватой прозрачной массы, упругой и сухой на ощупь. В темноте он светился слабым багряным блеском. А внутренние стенки банки были покрыты слоем радиоактивного кобальта. Впоследствии это обстоятельство навело меня на кое-какие размышления, но тогда мы только удивились. В результате пленка, помещенная в простую толстостенную стеклянную посуду, распалась на следующий же день. Единственный в мире образец... Мы успели узнать очень мало. Срез под микроскопом показал подобие клеточного строения, напоминающего колонии бактерий или вольвокс. Химический состав — много кремния, есть следы кислорода. Об остальном можно только догадываться. Что касается смертоносных свойств красного газа, то вот...

Генерал положил на стол руки ладонями вверх, и Олешко увидел множество тонких извилистых шрамов, покрывающих их причудливым рисунком.

— Я забыл об осторожности и несколько раз брал пленку голыми руками. Зажили только через два-три месяца.

Олешко вздохнул.

— Я только побывал возле ямы, и то врачи удивлялись, почему моя рана так долго не затягивалась. Кроме того, мы все трое, а особенно японец, долго еще испытывали приступы головокружения и слабости. Потом прошло. Но что же все-таки представляет собой этот красный газ?

Некоторое время генерал молчал, приводя в порядок бумаги в папке. Затем неохотно сказал:

— У меня есть, конечно, на этот счет некоторые соображения, но, насколько они соответствуют истине, сказать трудно. Для меня ясно одно: красный газ — не мертвая материя. С другой стороны, как я уже говорил, это не белок, следовательно — не живой организм. Несомненно, он может размножаться, иначе быстро распался бы, соприкасаясь с воздухом. Значит, он способен брать из окружающей среды материалы и энергию для своего воспроизводства. Можно представить себе такую форму организации материи, которая приспособлена для воспроизводства за счет, например, энергии радиоактивных веществ. Возможно, гнездо красного газа образовалось в толще радиоактивных залежей. Это представляется наиболее вероятным вариантом, и Сунагава, как видно, понимал это, когда упаковывал образец в банку с радиоактивным кобальтом. Конечно, возможны и другие

теории... Но если принять «радиоактивную» теорию, красный газ должен выглядеть следующим образом. Его молекулы поглощают энергию жесткого гамма-излучения радиоактивных атомов. Не исключено, что они как-то способны перехватывать и энергию альфа-частиц и электронов, образующихся при радиоактивном распаде. За счет этой энергии они совершают обмен веществ с внешней средой, то есть хотя бы с гранитными стенами ямы или с веществами, входящими в состав радиоактивных руд. Может быть, они абсорбируют и атомы радиоактивных элементов... Так они растут, делятся и так далее. Излишки энергии они отдают в виде весьма мягкого излучения, состоящего из красной, инфракрасной и еще более длинноволновой частей спектра. Так можно объяснить и странное влияние красного газа на живой организм. По-видимому, излучение его состоит, главным образом, именно из электромагнитных колебаний такой длины волны, которые больше не встречаются нигде в природе. Искусственно их вызывали путем пропускания электрического тока через железные опилки, взвешенные в масле. Свойства их мало изучены. Вероятно, они действительно должны активизировать рост и развитие низших организмов. Но, повторяю, это только рабочая гипотеза. Что касается ячеек строения пленки, то, мне кажется, естественно предположить красный газ похожим на вольвокс — колонию одноклеточных организмов. Как возник красный газ, закономерно ли его возникновение, или он самозародился в совершенно исключительных неповторимых условиях, обо всем этом судить трудно. Остается только пожалеть, что мерзавцу удалось затопить крепость. Под водой красный газ несомненно погиб. Хотя, кто знает...

— Если красный газ не распался, — сказал Олешко, — мы все равно рано или поздно доберемся до него. Доберемся, изучим и заставим служить себе, как заставляем служить все силы природы.

— Судя по тому, что я слышал об этой самой крепости, — с сомнением проговорил генерал, — добраться туда будет трудно.

— Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики. Возьмем и эту!

Библиотека сайта «Вселенная Братьев Стругацких» - strugatskie.com